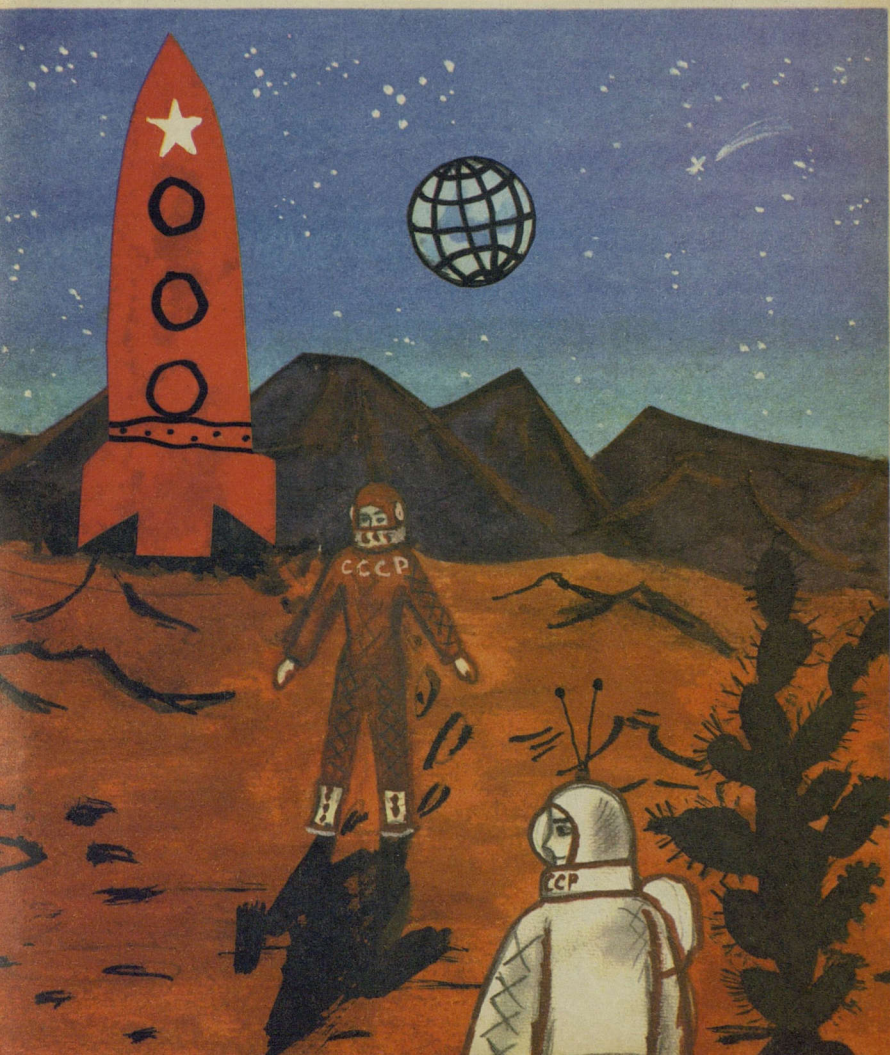

**12 АПРЕЛЯ
ДЕНЬ
КОСМОНАВТИКИ**

КОСТЕР

4 АПРЕЛЬ 1975

НА МАРСЕ Рисунок Дуси Плотниковой, 13 лет

КРЕЙСЕР „АВРОРА“
Ростик Сохор, 10 лет, ЧССР

Учитель написал мелом на доске эти слова: „Ленин с нами!“ — и восемь с половиной тысяч ребят в разных концах нашей страны склонились над тетрадками. Шел всесоюзный конкурс на лучшее сочинение о Владимире Ильиче.

Пришли в Москву школьные тетрадки. Украшенные рисунками и фотографиями своей школы, родных мест сочинения в прозе и стихах... Сочинения на русском языке и на языках народов СССР...

Центральный Комитет комсомола, Министерство просвещения СССР, Союз писателей СССР и Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию присудили премии 114 лучшим работам.

Сегодня мы знакомим вас с некоторыми сочинениями.

КРАСНАЯ КОННИЦА
Миша Алексеев, 12 лет,
Ленинград

ЛЕНИН С НАМИ

Это было в далекие двадцатые годы. Мой дедушка был еще молодым парнишкой.

Стали собираться люди на сходки, проводить собрания, читать газеты. Организатором всего этого был односельчанин, вернувшийся из армии.

Однажды вместе с моим дедушкой поехал этот солдат в город, привезли книги, устроили в селе избу-читальню, в которой был портрет Ленина.

Дедушка рассказывал, что это был небольшой портрет. Здесь Ленин был изображен во весь рост, в черном пальто и в зимней шапке. Многие люди приходили посмотреть портрет человека, который отдал свое сердце и жизнь свою бедным людям.

Но не нравилось это кулацким сынкам Петру и Степану. Заметили это комсомольцы и решили: на ночь снимать портрет Ленина и прятать, а рано утром опять вешать на место.

Ночью слышались глухие выстрелы. А рано утром пришли комсомольцы и увидели, что стекло в окне выбито, а вся стена густо усеяна следами пуль. Да, это кулаки хотели уничтожить портрет Ленина.

Но утром портрет был на своем месте цел и невредим.

Так длилось долго, но вот кулаки догадались, в чем дело.

Кулаки высладили Костю. В пыльном темном деревенском переулке они убили его и разорвали на мелкие куски портрет вождя.

Утром нашли комсомольца, а на следующий день его похоронили. Дедушка шел со знаменем, провожая в последний путь своего друга. И вдруг из-за плетня кто-то окликнул дедушку и сказал: «Скоро и тебе туда дорога откроется».

Но дедушка не побоялся этих угроз. На следующий день один бодро шел из города и нес большой портрет Ленина в деревянной рамке.

Иванькова Надя,
Сокиренская школа
Сребнянского района
Черниговской области

Школа имени В. И. Ленина города Кайраккума выглядит празднично: ребята еще с вечера украсили все классы и коридоры. Завтра, в день рождения Ильича, здесь будет сбор дружины.

Старые коммунисты вручат старшеклассникам комсомольские билеты, комсорги и председатели советов отрядов сдают рапорты комсомольских и пионерских дел.

В этот день придет, я знаю, и Ревина Настасья Ивановна, старая и одинокая женщина.

Раньше я спрашивал: «Бабушка Настасья, почему ты всегда плачешь на нашем празднике?»

А теперь не спрашиваю, теперь понимаю почему: один ее сын, юный комсомолец Володя, был замучен белогвардейцами под Ростовом-на-Дону в годы гражданской войны, другой, молодой коммунист Виктор, смелый разведчик и веселый гармонист, спит вечным сном там, на чужой земле, под городом с чужим и трудным названием — Кюстрин.

Они оба погибли за то, чтобы реяли сегодня алые знамена, трубили трубы и били барабаны, и мы все — Володя Плетюхин, Сакиева Мукарам, Пак Серезжа, Рахманов Шукурло, я, Арбаев Эдик, и другие ребята — шли, радостные, по улице Ленина.

Арбаев Эдик,
школа им. В. И. Ленина,
Кайраккум Ленинабадской области

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД Роле Инесе, 10 лет, Броцены, Латвийская ССР

МОСКВА

Володя Алексеев, 9 лет, Москва

У меня на полке, среди любимых пластинок, стоит пластинка с записью речей В. И. Ленина. Ее невозможно слушать без волнения. И пусть начесть записи несовершенно, зато это живой голос Ильича. Я люблю слушать эту пластинку, когда я особенно доволен собой. Тогда я хорошо представляю Владимира Ильича, как он стоит на трибуне и говорит, вытянув вперед правую руку. А иногда я представляю себе Ильича сидящим на скамейке в Горках. Он думает о чем-то и, прищурясь, смотрит прямо на меня. Люблю фильмы о Ленине, особенно интересные моменты, когда Владимир Ильич разговаривает с рабочими, смеется, играет с детьми.

Секацкий Александр,
школа имени С. М. Кирова,
Токмак Киргизской ССР

Дом тетушки Умий расположен у большой дороги. Каждый день сотни мальчишек и девочек с книжками под мышкой идут по этой дороге в школу и возвращаются домой. Иногда тетушка Умья провожает их в школу взглядом и встречает радостной улыбкой. Счастье для тетушки Умий — видеть мальчишек и девочек веселыми.

— Каждый раз, когда я вижу их, — говорит тетушка, — вспоминаю свое прошлое, и мне становится страшно.

Да, тетушка Умья прошла очень страшный и тяжелый путь. ...Басмачи считали ее своим врагом и хотели уничтожить.

Темная ночь. Умья спокойно спала. Вдруг она услышала какой-то стук. Быстро встала, открыла дверь. Сразу же кто-то схватил ее, заткнул рот и надел на голову мешок. А потом ее посадили на коня. Проехав 10–12 километров в сторону от села, они остановились, сняли с нее мешок и сказали с угрозой:

— Для тебя сейчас две дороги — смерть или будешь сидеть дома, как другие женщины-мусульманки. Выбирай.

— Я иду по той дороге, которую указал мне Ленин, — ответила Умья. — Из двух дорог сами выбирайте одну, потому что вас осталось слишком мало.

Враги увидели, что эта женщина не из пугливых, и выстрелили в нее. Скрыли ее басмачи под грудой камней.

Через несколько часов чабан Шоди заметил ее и вытащил из-под камней. Он привез Умью в кишлак. Она была жива. Врачи лечили ее раны.

Мавлуда Холова,
Таджикская ССР

Тихо шумит лес. Тиха и мрачна землянка. Только они, партизаны, сегодня словно сбросили с плеч тяжелую ношу лет...

Я уже комсомолка. На груди сверкает комсомольский значок. В руке крепко сжимаю комсомольский билет. Этот красный, будто кровь, билет мне вручил старый партизан. Ветер трепал его волосы, словно серебряные нити.

«Клянемся... Легендарными боевыми и трудовыми подвигами всех поколений комсомольцев жить и трудиться так, как велит комсомольская совесть, честь и долг... Клянемся...» — звучат слова нашей присяги.

Я видела слезы, повисшие на ресницах партизан. Почему они плакали? Может, вспоминали юность, в землянке, с винтовкой в руках, а может быть, друга, которого приютил дзукский песок...

Много лет прошло с тех дней, но эти люди, сражавшиеся на дзукской земле, снова пришли на встречу со своей молодостью.

Я стою, взволнованная, в строю вместе с другими комсомольцами и крепко сжимаю красный комсомольский билет...

Во мне живет Ленин. В моем комсомольском билете, значке, в моем сердце...

Я сумею быть достойной его светлого имени...

Дангуле Мишкинине,
Рудянская средняя школа,
Варенский район
Литовской ССР

В чудесном лагере дружбы Артеке я познакомился с шестнадцатилетним коммунистом из Ливана, о котором мне очень хочется рассказать. Бассем Абдель Самад — сын и внук видных деятелей Коммунистической партии Ливана. Его дед, один из ее основателей, был зверски убит бандой реакционеров. На место отца встал сын. С ранних лет Бассем с любовью произносил имя В. И. Ленина, а когда вступал в партию, клялся быть достойным памяти погибшего деда. Все это я узнал от самого Бассема. Мы обходились без переводчика, так как я знаю английский язык. Однажды он попросил, чтобы я научил его писать по-русски «Ленин», «Москва», «Артек». Эти занятия доставляли нам обоим огромное удовольствие, дружба наша крепла с каждым днем, расставаться было трудно.

НА СЕВЕРЕ Саша Першин, 8 лет

Я получаю от Бассема письма, и каждый раз он пишет мне по-русски самые заветные слова: «Ленин», «Москва», «Мир», «Дружба», «Артек».

Айдын Алиев,
школа № 174, Баку

Широко раскинув руки, я бегу навстречу солнцу. Большому, доброму, ласковому и желтому, как лимонная корка. Мне легко, будто за спиной крылья, мне радостно, я счастлива, и хочется еще раз потрогать пальцами гладкую поверхность комсомольского значка: маленькое красное знамя, на нем силуэт Ильича, и он разделяет эту радость со мной. Добрый, с чуточку прищуренными глазами...

Такое уже было со мной. Где? Когда? Одна из миллиардов клеточек мозза зафиксировала что-то, дала о себе знать. Но это был слишком слабый импульс. Как усилить его, чтобы вспомнить? Я прохожу мимо школы, мимо группы малышей, смотрю на них и вдруг... Сработала та нужная клеточка мозза! Светлый зал. Он до краев заполнен веселым щебетаньем маленьких девочек с огромными, в полголовы, бантами и мальчишек, коротко подстриженных, с фиолетовыми пятнышками на пальцах. И каждый восторженно блестящими пуговками глазами разглядывает пятиконечную звездочку

на груди. И на звездочке — Ленин...

Я живу на земле, и не просто существую, а действительно живу. И сейчас, именно сейчас, я обращаюсь к вам, товарищ Ленин! Я — комсомолец 70-х годов, воспитанная партией, комсомолом, Родиной, и говорю от имени всех моих сверстников: «Вся моя жизнь принадлежит тебе, моя Родина! Я всем своим сердцем и жизнью буду стремиться вступить в ряды Коммунистической партии, созданной Лениным, чтобы своими делами, совестью доказать верность партии, Ильичу».

Коченова Таня,
школа № 11,
Ворошиловград

Я воспитываюсь в школе-интернате. Здание школы — лучшее в поселке. Ранее помещичьи парк и озеро — теперь наши любимые места отдыха. Над школой шефствует Новополюцкий химкомбинат, и лучший пионерлагерь химиков «Ленинец» каждое лето гостеприимно распахивает перед нами свои двери. Мы побывали на экскурсиях в Минске, Бресте, Москве и Ленинграде. В 1972 году я отдыхала в Артеке. Летом 1974 года принимала участие в спортивном конкурсе школь-

ников на столичном стадионе «Динамо».

Разве же можно назвать меня старым горьким словом «сирота»?

Сегодня мне четырнадцать. Я учусь в седьмом классе. Идет урок русского языка. Мы пишем сочинение «Ленин с нами». Класс притих, думает. На стене, над классной доской — портрет. Ленин смотрит с портрета. Ленин... Он сопровождает нас всю жизнь.

Михню Нина,
Освейская школа-интернат,
Верхнедвинский р-н
Витебской области

Недавно мы всем классом с нетерпением ждали телепередачи программы «Время» (за высокую успеваемость и хорошую дисциплину наш класс получил от дирекции телевидения зор).

Мы смотрели встречу Леонида Ильича Брежнева на кубинской земле. Я и мои друзья видели восторг миллионов кубинцев, и гордость наполняла наши сердца. Кубинцы, наши сверстники, учатся в школе, носящей имя Ленина.

Я думаю, Ленин там, где упрочняется мир, где братаются народы. Ленин всегда в настоящем.

Овакимян Рузанна,
школа-интернат № 22,
Ереван

В КОСМОСЕ

Женя Рецетер, 13 лет, Ленинград

ВЕСНА СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Почти десять лет пробыл Ленин в эмиграции. И все эти годы был неразрывно связан с Россией, с партией. Он и за рубежом оставался вождем большевиков, возглавляя борьбу русских рабочих с самодержавием.

В августе тысяча девятьсот четырнадцатого года разразилась мировая империалистическая война. Австрия объявила войну Сербии, Германия двинула войска на Россию, Англия и Франция повели наступление на Германию. И тогда перед революционерами всех воюющих стран встал неизбежный вопрос: продолжать ли во время войны борьбу со своими угнетателями, со своими капиталистами? И многие социалисты, изменив революционному долгу,

стыяне? Солдаты? Борцы с кровавым самодержавием? Нет! Новые министры — это миллионеры-фабриканты и крупные дворяне-помещики. Вот почему и без царя все осталось как при царе: заводы у фабрикантов, земля у помещиков. И война идет как при царе. Каждый день, каждый час падают на землю убитые солдаты России.

В те дни Ленин и Крупская жили в Швейцарии.

Узнав о революции, Ленин заявил:

— Ехать! Немедленно ехать в революционный Питер!

Но как выбраться из Швейцарии? Как пробраться в Россию? Идет мировая война. Путь

призвали своих рабочих и крестьян убивать рабочих и крестьян других стран, защищать, не щадя жизни, свое буржуазное правительстао, своих капиталистов.

Русские меньшевики и эсеры считали себя революционерами, но с первых же дней войны превратились в контрреволюционеров. Они требовали, чтобы угнетенный народ защищал царскую Россию. Большевики же призвали всех рабочих, всех революционеров превратить войну империалистическую в войну гражданскую, выступить с оружием в руках против своих угнетателей.

И первыми, кто претворил в дело призыв большевиков, были русские рабочие и солдаты. В феврале 1917 года они восстали и свергли царя.

Началась революция.

Царь свергнут! И нет больше царских министров. Теперь Россией правит Временное правительство во главе с князем Львовым. А новые министры? Кто они такие? Рабочие? Кре-

из Швейцарии в Россию возможен теперь только через Францию и Англию. Но разве англо-французские империалисты пропустят большевиков в Россию. Ни за что! Они помнят страшные для них призывы большевиков:

— Эта война нужна капиталистам! Рабочим, крестьянам она несет нищету, голод, смерть! Долой войну!

И еще знал Ленин: капиталисты России, Англии, Франции договорились не впускать в Россию большевиков-эмигрантов и, прежде всего, ни при каких обстоятельствах не впускать Ленина. Пусть Ленин сидит в Швейцарии. Вдали от России он не так опасен.

Империалисты даже составили большой запретный список, кого нельзя впускать на родину.

Но никакая сила не могла удержать теперь истинных революционеров. Ни о чем другом Ленин больше не думал.

«Я вне себя, что не могу выехать из проклятой Швейцарии».

«Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время».

«Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся...»

«Я всячески обдумываю способ поездки».

Так писал Ленин друзьям-единомышленникам из вынужденного заточения. Он потерял покой, не спал по ночам, обдумывая планы выезда в Россию. Он готов был на любой риск.

— А что, если достать паспорт на имя какого-нибудь шведа? — советовался он с Крупской. — Доберусь до Швеции, а там и Питер — рукой подать!

— Но ты же не говоришь и не понимаешь по-шведски, — возражала Надежда Константиновна. — Это обязательно обнаружится.

— А я притворюсь глухонемым, — не сдавался Ленин.

— Не выйдет! — смеялась Надежда Константиновна. — Увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация.

— Да... Конечно... Можно провалиться. Может быть, вот что... Ведь Карпинский не занесен в запретный список?

— В списке его нет. Прохлопали господа империалисты.

— Отлично. Пусть Карпинский возьмет бумагу на выезд во Францию или Англию, а поедет не он, а я.

Но и этот план нельзя осуществить. Карпинский однажды сидел в Женевской тюрьме, его знали в лицо и французские, и английские, и русские шпики...

Обсуждался еще один план. Сговориться со швейцарским летчиком, чтобы он взял на борт самолета Ленина и совершил посадку в Швеции или Норвегии. Но как найти такого летчика, а главное, где взять деньги, чтобы уплатить летчику? Нет денег у Ленина.

Но Ленин не сдается.

«Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!»

И снова бессонной ночью продумывается новый план. План смелый, дерзкий, неожиданный. Ехать в Россию, минуя Францию и Англию. Как? Через Германию! Да, да! Через Германию, которая воюет с Россией, с Англией, с Францией! Но разве Германия пропустит русских на родину? Ленин уверен, что пропустит. Он понимал, как будут рассуждать немецкие генералы: «Большевики против этой войны. Приедут большевики в Петроград и начнут борьбу за мир, за выход России из войны. А стоит России выйти из войны, и мы разобьем Францию и Англию».

Отличный план! На эту приманку немецкие империалисты обязательно попадутся!

И все вышло так, как думал Ленин. Германия согласилась. Пожалуйста! Поезжайте!

Только потом, через год или два немецкие капиталисты поняли, в какую ловушку они попали. Призыв русских большевиков кончать империалистическую войну дошел и до немецких солдат. Они восстали, свергли немецкого

императора и отказались воевать. Но это было потом...

Проведав, что русские большевики возвращаются в Россию, министры Временного правительства пришли в ярость. Они заявили:

— Кто вернется в Россию через Германию, будет арестован!

Но большевики не испугались угроз.

— Когда отходит ближайший поезд? — спросил Ленин Крупскую.

— Через два часа.

— Значит, через два часа мы тронемся в Россию.

— Не успеть, — сказала Надежда Константиновна. — Можно ли за два часа уложить все вещи, вернуть в библиотеку книги, расплатиться за квартиру, доехать до вокзала, приобрести билеты? Поезжай один, я выведу завтра.

— Нет, едем вместе! — настаивал Ленин.

За несколько минут до отхода поезда Ленин и Крупская подъехали на извозчике к вокзалу. Это было двадцать седьмого марта 1917 года. Девятнадцать большевиков во главе с Лениным выехали в Россию.

С нетерпением ждали большевики Питера приезда Ленина, но никто не знал, когда ему удастся сокрушить все препятствия по дороге в Россию. И вдруг третьего апреля стало известно: Ленин приезжает сегодня ночью.

Радостная весть омрачалась только одним. Был праздничный день, заводы не работали, а до приезда Ленина оставались считанные часы. Как же оповестить питерских рабочих о таком великом событии? Неужели революционный пролетариат столицы не сможет встретить своего вождя?! Это невозможно, невысказано!

Да, заводы в этот день не дымили, но Центральный Комитет и районные комитеты большевиков работали, как всегда. И как всегда, в комитеты приходили рабочие.

Комитеты решили, чтобы каждый рабочий сообщил о приезде Ленина еще трем рабочим. А каждый оповещенный сообщит об этом другим трем рабочим, и так, по цепочке, множество рабочих узнает о приезде Ленина.

Решили так и действовать. А большевики Выборгской стороны придумали еще и другое. После полудня на улице появились две работницы-большевички. Они несли транспарант, а на транспаранте большими буквами было написано:

**ТОВАРИЩИ! СЕГОДНЯ ПРИЕЗЖАЕТ ЛЕНИН!
ВСТРЕЧАЙТЕ!**

Высоко подняв транспарант, работницы несколько часов медленно ходили по улицам и проспектам Выборгской стороны. Позади них образовалась большая толпа. Это была первая стихийная демонстрация в честь приезда Ленина.

Под вечер о приезде Ленина знали уже тысячи рабочих, солдат, матросов. Знали, конечно, и министры Временного правительства. Они были напуганы: что делать? Арестовать

Привѣтъ Ленину.

Рабочие, собравшіяся на митингъ 1-го, 2000 чезов. привѣтствуемъ васъ въ изгнаниі вѣтрава вѣрдаго
евии, неволезаемого
ища Ленава.
прѣсдат. собр.

Телеграммы Ленину.

Изъ Якутска.
Привѣтъ ваше возвращеніе въ старую
дѣятельности. Да здравствуетъ возрожден-
ный Интернаціоналъ
Перевскій, Серго, Асеганъ

Телеграммы Ленину.

ЯКУТСКЪ. Якутская организація социаль-
демократовъ привѣтствуетъ радостно ваше воз-
вращеніе къ массовой со-
низаціонной работѣ

Ленину.

Собравшіяся на Уральскую областную
конференцію делегаты въ количествѣ 63 че-
ловѣкъ отъ 43 организацій объединяющихъ
16 тысячъ членовъ партіи единогласно по-
ти привѣтствовать И. К. партіи
вождя россійской революціонной
жраты товарища Ленина

Прѣдсѣдатель Союзной.

Привѣтъ Ленину.

члены профессиональнаго союза

Привѣтъ Ленину.

Изъ Омска.

Привѣтъ т. Ленину.

ЕКАТЕРИНОВАДЪ. Дорогой товарищъ
Екатеринодарскій комитетъ Р. С.-Д. Р. П. съ
глубокой радостью привѣтствуетъ васъ, какъ
одну изъ самыхъ послѣдовательныхъ и
жизнь и неутомимаго борца за

Привѣтъ Ленину.

Уважаемый товарищъ
членовъ Россійской Соціалъ-
Демократической партіи въ городѣ
тѣхъ привѣтъ товарища Ле-
нина
своего самого стой-
кого

Ленина? Невозможно! Рабочие, солдаты пойдут на все, чтобы освободить его. Могут даже встать против нового правительства! Надо искать другой выход. Пусть договорятся с ним меньшевики, пусть убедят, что Россия должна продолжать войну, что большевики и меньшевики должны теперь действовать сообща, иначе революция погибнет...

Под вечер к Финляндскому вокзалу двинулись колонны рабочих, солдат, морские экипажи, отряды Красной гвардии и Рабочей милиции. Привокзальная площадь быстро заполнилась народом, но колонны все шли и шли.

До прихода поезда демонстранты заполнили не только площадь, но и все ближайшие улицы.

Поезд подошел к вокзалу поздно вечером. Говор на перроне мгновенно стих. Замер почетный караул. И вот в дверях одного из вагонов показался Ленин. Печатая шаг, к Ленину приближались начальник почетного караула и отдал рапорт. Загремела «Марсельеза», и тогда все, кто был на площади, поняли — ЛЕНИН ПРИЕХАЛ!

Большевики окружили своего вождя плотным кольцом, все были возбуждены, каждому хотелось увидеть Ленина поближе, услышать его первые слова в революционном Питере. Но кто-то сказал:

— Рабочие и партийные делегации ждут товарища Ленина в бывшей царской комнате вокзала.

В сопровождении почетного караула Ленин вошел в огромную комнату. Навстречу ему поднялся главарь меньшевиков Чхеидзе и произнес длинную «приветственную» речь. Он убеждал Ленина работать вместе с меньшевиками и эсерами, помогать Временному правительству вести войну.

Ленин стоял посреди комнаты с таким видом, точно Чхеидзе обращался не к нему, а к кому-то другому. Чхеидзе говорил, а Ленин смотрел по сторонам, разгладывал лепной потолок, потом опустил голову, словно в эти минуты его больше всего интересовал замысловатый рисунок паркета.

Наконец Чхеидзе умолк в ожидании ответа Ленина.

Ленин оторвал взгляд от паркета и повернулся к делегатам.

— Дорогие товарищи, солдаты, матросы, рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистическая война есть начало войны гражданской... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!

И, не взглянув на растерянного главаря меньшевиков, Ленин быстрой походкой направился к выходу.

При виде Ленина площадь огласилась громовым «ура». Это «ура» прокатилось из конца в конец огромной площади, ворвалось в ближайшие улицы и переулки и с новой силой вернулось на площадь. Лучи прожекторов, прорезав ночную тьму, высветили множество трепещущих на ветру кумачовых знамен, флагов, транспарантов. На транспарантах алыми два слова:

ПРИВЕТ ЛЕНИНУ!

Ленин сошел со ступенек вокзала. Грянул «Интернационал». И с новой силой прокатилось тысячеголосое «ура». Рабочие и солдаты подняли Ленина на броневик, и все лучи прожекторов скрестились на фигуре вождя большевиков. Площадь замерла. В этой тишине все услышали голос Ленина.

— Товарищи! Русские рабочие и армия освободили народ от царского деспотизма. Пролетарии всего мира с надеждой смотрят на смелые шаги русского пролетариата, положившего начало социальной революции. Да здравствует социалистическая революция!

И под звуки гремящего над площадью «Интернационала» окруженный народом броневик двинулся на Петроградскую сторону, где помещался Центральный Комитет большевиков.

Н. Ходза

Рисунки В. Бескаравайного

ВЗРЫВ

Я вернулся в Ленинград. Написал письма в Ленинградский партийный архив, где хранятся все партизанские документы, просил сообщить подробности о гибели Коли и Вани Плотниковых...

Пришли ответы:

«По документам Ленинградского штаба партизанского движения значится:

1. ПЛОТНИКОВ Иван Иванович, рождения 1924 года, место рождения Старолужский район. Вступил в партизаны 11.11.42, и проходил службу в 67 партизанском отряде 4-й Партизанской бригады в должности бойца.

Виктор Того

ДВЕ ГОРСТИ ЗЕМЛИ

28.VI.42 г. Плотников И. И. погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками у деревни КОВОво Славковского района Ленинградской области (ныне Псковская область). Похоронен в лесу деревни Ковово. Приказом № 0904 войскам Северо-Западного фронта от 30 июля 1942 года ПЛОТНИКОВ И. И. награжден медалью «ЗА ОТВАГУ».

2. ПЛОТНИКОВ Николай Иванович, рождения 1926 года, вступил в партизаны 11.11.42, и проходил службу в 67 и 68 партизанских отрядах 4-й Партизанской бригады и 99 партизанском отряде 5-й Партизанской бригады в должности бойца.

14 августа 1943 года погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками, похоронен в лесу южнее 4 км деревни Большие Ляды.

Приказом № 0719 войскам Северо-Западного фронта от 2

Окончание. См. «Костер» № 3, 1975 г.

августа 1943 года награжден медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ».

Это был по-военному ясный и четкий документ. Но он... начисто отвергал то, что рассказывали Удальцов и Михайлов. И могила Коли находится не там, и Вани погиб совсем в другом месте.

Но если документы верные, то Михайлов с Удальцовым ошибаются? Тут что-то не так.

Полетело в Парфино мое письмо с копиями архивных справок. Следопыты ответили через несколько дней: «В Новгороде живет бывший комбриг 4-й Партизанской бригады Алексей Петрович Лучин. Мы ему сразу написали, и вот его

уходили, не то староста, не то подполный выстрелил нам в селе и одного из наших ранил в руку.

Подъехали к станции Морино. И тут Алексей Александрович приутих.

А когда проезжали поляны, он даже вздрогнул.

Поезд подошел к станции. Я украдкой наблюдал за Михайловым. Он был похож на человека, идущего сдавать трудный экзамен...

Но шагал Алексей Александрович быстро. Мы едва за ним поспевали. Прошли километра два.

— Тут была будка... — неуверенно сказал Михайлов.

Но никакой будки не видно.

Рисунок А. Харина

— Ага, нет... вот! — Алексей Александрович стоял на возвышении, некогда бывшем фундаментом. — Точно: здесь была будка. Переезд был...

Прошли еще с полкилометра и вышли к поляне. Алексей Александрович свернул с насыпи. Быстро-быстро вперед. Поляна эта не плоская, скорее, пологий холм, к вершине которого он стремился. Вот и вершина. Михайлов остановился. Вытянул руку.

— Видишь дом? Это тот самый, что я рассказывал, слышал... Здесь мы вышли из большого леса.

Михайлов пошел дальше, на долину.

— Вот сейчас. Вот здесь, — повторял он, а сам все шел вперед.

Шаг, еще шаг...

Наконец, остановились у дорожного столбика с цифрой «7». Чуть поодаль — одинокая березка. Ничем не примечательный пейзаж. Тишина. Смотрим по сторонам. Деревья. Немые свидетели былого... И вот мы увидели незажившую рану на теле земли — глубокую воронку — место взрыва сошедшего с рельсов фашистского вагона с боеприпасами. Здесь совершил свой героический подвиг Вани Плотников... Алексей Александрович стоял и плакал...

Отсюда возьмут первую горсть земли парфинские пионеры.

ПО СЛЕДАМ
КОЛИ ПЛОТНИКОВА

Алексей Александрович Михайлов на месте подвига Вани Плотникова

Оставалось найти могилу Коли Плотникова. По воспоминаниям партизан она была

**Сергей Александрович
Акимов,
командир группы
бригадной разведки**

«...в трех километрах от станции Уторгош — в Оклюжье. На окраине села. Под высокой елкой».

Но в справке, выданной архивом, значилось: в лесу, южнее 4 км деревни Большие Ляды!

Наученные опытом мы решили проверить обе версии. И вот семеро парфинских следопытов, секретарь райкома комсомола Татьяна Федорова Яковлева и я поехали в Уторгош. В Уторгош приехали к полудню. Зашли в сельсовет, чтобы справиться, как проехать до Оклюжья. Встретила нас секретарь сельсовета Валентина Георгиевна Корева, тоже бывшая партизанка.

Оклюжье?.. В трех километрах от Уторгоша?.. Плотников... Что-то знакомое... Определенно, она слышала такую фамилию. Позвонила нескольким людям.

— Плотников?.. Нет, могилы такого партизана никто не знает.

— Сколько, вы говорите, километров до Оклюжья?

— Нам сказали — три.

— Семнадцать до Людятино. Да там еще столько же. Не три, а все тридцать три! Но если до Людятино можно добраться на машине, то дальше — только на вертолете... Болота там... Топи. Да и не найти там ничего. Лесом за-

росло. Все холмики и ямки сравнялись...

— Нам сказали, что у вас в Уторгоше председателем райисполкома был Тараканов, бывший командир отряда, где был Коля Плотников, и что Тараканов точно знает, где похоронен Коля.

— Когда это было? Тараканов уехал отсюда в сорок седьмом году и лет десять его уже нет в живых...

Так безрезультатно закончилась моя поездка.

Я вернулся в Ленинград и стал снова искать свидетелей последних часов Коли Плотникова.

Пришла еще одна обескураживающая весть. В своем письме парфинские ребята писали, что в районе боев Партизанской бригады деревни Оклюжье нет...

МАРЕСЬЕВ ИЗ ПЯТОЙ БРИГАДЫ

Однажды мне сказали: — Знаете, кто мог бы вам помочь? Здесь, в Ленинграде, живет командир группы из нашей бригадной разведки Сергей Александрович Акимов. Он мог быть очевидцем того случая, о котором рассказывал Удальцов.

Встретиться с Сергеем Александровичем я не мог очень долго. То он в отъезде. То в командировке. Наконец, как-то поздно вечером, уже где-то около одиннадцати, в трубке послышался мужской голос. Я представился. Объяснил, почему звоню.

— Ясно, — сказал Сергей Александрович. — Приезжайте, и немедленно, а то завтра утром я уезжаю в командировку в Тихвин.

Каково же было мое удивление, когда мне открыл двери человек... без обеих ног.

Он действительно был очевидцем гибели Коли Плотникова. Его рассказ в общих чертах повторял сказанное Удальцовым.

— ...погиб Коля на «Острове тихой жизни». Близ Оклюжья. Была такая деревня. Сожгли ее. (Вот в чем дело! Вот почему не смогли ее найти парфинские пионеры.) ... наша бригада была окружена, и мы отсиживались на маленьком островке, затерянном среди болот. Мы в шутку называли его «Островом тихой жизни». Туда как раз и привели лошадей. А за ними — фашисты...

— А похоронен он где?

— Я думаю, там и похоронен. Помнится, даже разговор

Парфинские пионеры ищут место, где был партизанский лагерь

был такой. Завернули в парашют и похоронили под высокой елью.

Проговорили мы допоздна. Я все не решался спросить его про ноги. А из рассказа понимал: партизанил Сергей Александрович до последнего. Наконец, когда уже прощались, он, вероятно, сам почувствовал, что за вопрос меня мучит. — А это... — сказал он тихо, — через несколько дней после гибели Коли. На мине. 20 августа 1943-го...

Теперь я знал, где искать. Но прежде чем вести на болото ребят, я должен был съездить туда сам. Я выезжал несколько раз в эти места, разбив на карте непролазные топи на квадратики. Медленно «прочесывал» эти квадратики, искал «Остров тихой жизни». Это была задача со многими неизвестными. Где-то в районе несуществующей деревни Оклюжье среди болот есть островок. Он может оказаться «Островом тихой жизни». На этом острове должна быть высокая ель. Под елью — холмик... Где искать несуществующую эту деревню? В какую сторону от нее идти? Сколько высоких елей на этом самом острове? Однажды, оступившись, я едва не потонул в гнилой трясине... И все-таки кое в чем мне повезло. По грудь в воде я перешел на остров. Это мог быть только он — «Остров тихой жизни», потому что здесь я нашел остатки партизанских землянок и кострища... Здесь скрывались тридцать лет назад партизаны... Быть может, здесь и была могила Коли Плотникова. Но если это и так, то отыскать ее не сможет уже никто...

Обо всем этом я рассказывал парфинским следопытам... Оставалось проверить вторую версию. Но по тем координатам, что были указаны в справке, присланной архивом — «похоронен в лесу, южнее 4 км деревни Большие Ляды...» — крошечный могильный холмик разыскать через тридцать лет — поди попробуй... Мы снова стали искать очевидцев гибели Коли, которые бы могли указать точное место...

Время летело быстро. Однажды по просьбе парфинских ребят заехал я в Крестецкий район в поисках человека, который хотя и не мог встречаться с Колей Плотниковым, но что-нибудь мог сообщить, потому что был командиром одного из партизанских отрядов...

В партизанской бригаде было четыре отряда: отряд Егорова, отряд Тараканова (где воевал Коля Плотников), отряды Чебыкина и Скородумова.

Только случайно мог знать рядового бойца командир другого отряда. Но в Крестецкий район я поехал и в поселке Новое Рахино нашел Сергея Никитича Чебыкина. Я рассказал ему о нашем поиске и попросил помочь. Он был немногословен. О себе рассказывал и вовсе скупко:

— До февраля сорок второго служил в штабе фронта. Потом партизанский отряд Ивана Ивановича Грозного. После боя под Апросово в апреле того же года стал командиром 68 партизанского отряда 4-й Партизанской бригады. Потом командовал 99-м отрядом в 5-й бригаде...

И тут я невольно воскликнул: — 99-й отряд? Но в этом отряде и был Коля Плотников! Вы не путаете?

— Да нет же... И Колю я помню... И как погиб — помню, и где похоронен — знаю. Километрах в двенадцати от Уторгоша по Псковскому шоссе есть деревушка Малые Березицы. От нее пять километров по лесной дороге — придете в Ляды. Там, под толстой липой, рядом с четырьмя листовенниками — могила Коли Плотникова. Найти трудно, но можно.

КОНЕЦ ПОИСКА

Невозможно описать эту дорогу. Болота... болота... Лес и снова болота. Семь километров — и все по пояс в воде. А каково было партизанам? С оружием. Испытывая постоянную угрозу опасности. Всегда готовые вступить в бой.

Волновала мысль: сейчас будем у цели...

И вот лес расступился. Огромное поле. Ветер гулял в травах, зеленые волны шли к горизонту. И тут мы увидели эту группу деревьев. Высокая ветвистая липа и четыре листовенницы. Вот они!

Ни ограды. Ни колышка с дощечкой. Ни сколько-нибудь заметного холмика. Впрочем, сетовать не на что. Исчезли с лица земли целые селения. Как

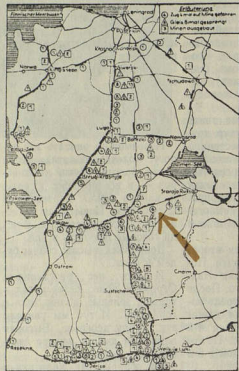

Под этим деревом и похоронен юный партизан. Отсюда возьмут вторую горсть земли

же сохраниться маленькому земляному холмику! Две вросшие в землю жерди да куст шиповника — все, что осталось со времен войны...

Но эта она — могила партизана. Отсюда будет взята вторая горсть земли.

На этой фашистской карте отмечены места дислокации партизан. На отрезке пути между станциями Дно — Старая Русса помечено место гибели эшелона, который пустился под откос Вани Плотникова.

Так завершилась эта история. Теперь мы знали все подробности жизни и ранней смерти двух парфюмных мальчишек. В 41-м они были еще школьниками. В 42-м — партизанами.

Запомним их имена: Ваня и Коля Плотниковы. Они отдали жизнь за Родину.

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда этот номер был уже набран, в редакцию журнала пришло письмо из Новгородского областного Совета депутатов трудящихся:

«Облисполком сообщает, что в целях увековечения памяти о юных героях-партизанах братьях Плотниковых, одна из улиц поселка Парфино, в котором родились юные герои, будет носить их имя, а также предусматривается установить мемориальную доску на школе № 1, где учились Иван и Николай Плотниковы».

Зам. председателя исполкома
М. С. Шербаков

ШЛА

из ФРОНТОВЫХ

*****

РОДИНА

Константин Симонов

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрывает сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь страну большую,
Какую ты извещал и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какую ты в детстве увидел.

Клочок земли, припавший к трем берегам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам повсладшались родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы.
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

«Воиска Ленинградского фронта в итоге 12-дневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем протяжении фронта под Ленинградом сильно укрепленную оборону немцев, штурмом овладели захваченными узлами сопротивления и опорными пунктами противника под Ленинградом и, успешно развивая наступление, отбросили противника от Ленинграда по всему фронту... В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника».

«Правда», 28 января 1944 года.

«Советские воиска освободили из немецкого лагеря смерти в местечке Аверчи Польской области 32431 человека, из них 15940 детей, которых немцы намеревались уничтожить. За время существования лагеря в нем были замучены и убиты 30 тысяч человек».

«Правда», 18 марта 1944 года.

ВОЙНА НАРОДНАЯ

БЛОКНЕТОВ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ. ИЗ СООБЩЕНИЙ РАДИО И ГАЗЕТ

*****

Радист 265 стрелковой дивизии — вот кем я был в Великую Отечественную войну. Дивизия сражалась на Ленинградском фронте и самые жаркие бои вела под городом Выборгом.

В этой же дивизии служил и мой отец. Однажды он был ранен в бою, и пока отлеживался в госпитале, маме домой пришлось известие о том, что отец погиб. И тогда мама отправилась в нашу дивизию и стала служить в медсанбате.

Вся наша семья была фашистов. В кавалерийской дивизии сражался старший брат, сыном полка был самый младший, Миша.

...Надев белый маскировочный костюм, в составе лыжного батальона я часто отправлялся далеко в тыл врага — на связь с партизанами. Когда наступал час отдыха, я вынимал тетрадку и рисовал бойцов и партизан. Так появились и рисунок сержанта Лени. Второпых я не записал Ленин фамилию, но самого Лено, моего боевого товарища, помню очень хорошо и этот портрет на пожелтевшей от времени, хрупкой бумаге бережно храню. Он для меня — самая дорогая реликвия.

В. Ветрогонский,
заслуженный художник РСФСР

РАДИСТ СЕРЖАНТ ЛЕНИ

Рисунок В. Ветрогонского, 1944 г.

«За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм» Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил звание Героя Советского Союза литовской партизанке комсомолке М. Ю. Мельничук.

«Ведомости Верховного Совета СССР»,

5 апреля 1944 года.

«Сегодня, 12 мая, в Крыму закончилась операция по очищению района мыса Херсонес от остатков немецко-фашистских войск, разбитых при овладении нашими войсками городом Севастополь. Всего за период Крымской кампании с 8 апреля по 12 мая нашими войсками уничтожено: танков и самоходных орудий 188, самолетов 329, орудий разных 7775. Противник потерял убитыми более 30 000 солдат и офицеров. Часть и слава доблестным героям битвы за Крым!»

«Правда», 13 мая 1944 года.

«Войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии и результатом боев в районе Белграда и сегодня, 20 октября, освободили столицу союзной нам Югославии от немецких захватчиков».

«Правда», 21 октября 1944 года.

«Медаль „За оборону Сталинграда“ недавно вручена восьмилетнему Игорю Михайлову. Во время обороны Сталинграда Игорь находился на батарее своего отца Константина Алексеевича Михайлова. Вместе с бойцами Игорь стойко и храбро переносил опасности и лишения. Как мог, помогал бойцам, принесил им письма, газеты, воду, собирал и передавал командованию немецкие листовки и не раз выслеживал немецких разведчиков».

Когда немцы были разбиты под Сталинградом, Игорь на самолете прилетел к родным в Москву.

«Тюнерская правда», 3 октября 1944 года.

В солнечный апрельский день
на главной площади Самарканды
идет прием в пионеры

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ «КОСТРА»

КУЗЬМА ГЕОРГИЕВИЧ
ХРОМОВ

В дни Великой Отечественной войны наш стрелковый полк обосновался в Новоросси-
ске. Я шел с солдатами по
улице, среди развалин. Город
дымился. В одном из
подвалов я увидел маль-
чишку. С деревянным игру-
шечным ружьем он стоял
навытяжку у стены. Я подо-
шел к нему и спросил:
— На что посути студи?
— Так точно, товарищ ко-
мандир!
— Кого ж ты охраняешь?
— Товарища Ленина! —
четко произнес мальчишка.
Я оглянулся и увидел на
стене фотографию Владими-
ра Ильича. Ленин был сит в
накинутом на плечи паль-
то. Он шуршал, томит от
солнца.
Невольно на лице моем

Наша школа самая боль-
шая в Термезе и самая
старая в Узбекистане — она
ровесница республике. Как
только мы узнали о пионер-
ском рейде «БАМУ» — пи-
онерские релсы, сразу же
проехали в школе радиоло-
нейку, на совете дружины
выбрали ответственных по
отрядам. Трудность была в
том, что комсомольцы шко-
лы в это время находились
на уборке хлопка. Но ниче-
го, мы справились. Каждый
пионер собрал по 25 кг ста-
рого металла и по 2 кг бу-
маги. Мы мечтаем повезти
на металлургический завод
и увидеть настоящую пла-
ву.

Джамаля Нарзиев,
г. Термез, школа № 2
имени газеты «Правда»

Входите в нашу школу и
видите бóльшую плакат:
«БАМУ — ПИОНЕРСКИЕ
РЕЛСЫ». Под плакатом
ежедневная сводка: сколь-
ко собрано лома, кто впе-
редил, кто лучший. Вот наши
лучшие сборщики: Алимар-
данов Ариф — тонна
500 кг. Диллатор Гульсар-
и — 100 кг. Нарзуллаев Ма-
влон — 200 кг. Пардеев Ди-
лбар — 180 кг. Бабаев Де-
ларон — 80 кг.
Мы думаем, что такого
сборщика, как Ариф Али-
марданов, больше нигде
нет. Его наградили путе-
вкой в Артек.

Дилбар Нарзиев,
г. Пензу, школа № 2
имени Азиз-Бабаса

«Хазарба» — хлопковый
совхоз. Со всех сторон
наши дома окружены хлопо-
выми полями. После уроков
мы помогаем старшим уб-
рать хлопок. Ходим на тру-
довую вахту, собираем по
25—30 килограммов хлопка.
А еще наш отряд собрал
уже 600 кг металлолома.

Пионеры 6 класса школы
совхоза «Хазарба»
Зина Миндзиева,
Зухра Кариева,
Лена Жамбарова

ДЛЯ БАМУ

Рисунок Толи Зинина из Рубцовска

СИГНАЛ ПИОНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ

Дорогой БАРАБАНИ! Несколько раз
я году мы собираем металлолом, зо-
лу и макулатуру, но собранный с та-
ким трудом металлолом не приносит
нам ни радости, ни пользы. Когда мы
его собираем, мы говорим, для чего
нужен металл, что его отдадут наши
шефы, на завод металлопродукции. Но
пролетят месяцы, годы, а металло-
лом лежит да ржавеет еще больше.

А там хочется, чтоб наш металл при-
носил хоть небольшую, да пользу.
Лариса Новоселова,
село Петровка
Горьковской области
Горьковский областной комитет
ВЛКСМ сообщает, что по письму Лар-
исы Новоселовой проведена про-
верка. Металлолом вывезен.
Самое областная пионерская ор-
ганизация включилась в конкурс по
сбору металлолома «Пионерский ки-
лометр БАМУ». Собрано 10 000 тонн.
Этого хватит на 80 километров до-
роги.

появились слезы. Мальчик
замылил их и спросил:
— Дядя, ты ранен?
— Нет, сынок. А как звать
тебя?
— Василь, — ответил ча-
совой и еще крепче прижал
к плечу свою деревянную
винтовку.
До сих пор не могу за-
быть эту встречу.

Х. Хромова,
Азербайджанская ССР,
г. Сумгаит

еред началом суббо-
тника каждый класс
получил задание с зада-
нием. Ребята пер-
вые пяти классов
собрали два тонны
девятсот тридцать ки-
лограммов макулатуры. Деся-
тиклассники работали на
домостроительном комбинате.
Проводящиеся отря-
ды посадили аллею дружины
на Малой земле. Несколько
платанов кондитерский отряд.
Когда ребята закончат школу,
за платанами будут уха-
живать подшефные.

В посиделки принимали
участие бывшие военны-
е мастера Еремеев Виктор
Антонович, Чурилин
Алексей Павлович, Смоляни-
ков Иван Филиппович, Савелов
Николай Григорьевич, Чер-
нов Василий Иванович.

Света Костенко,
юнкор Дворца пионеров,
Новосибирск,
школа № 10,
6 «а» класс

МАЛЬЧИКИ ОТВЕЧАЮТ НА ПИСЬМА ДЕВОЧЕК О ГОРДОСТИ И ДОСТОИНСТВЕ

[см. БАРАБАНИ № 3]

По-моему, нельзя девочкам
быть с мальчишками
холодными, резкими. Маль-
чишки всегда будут ста-
раться обидеть или высме-
ять таких девочек. Мне ка-
жется, что в содружии клас-
се села Чернореза есть не-
видимая грань между де-
вочками и мальчишками, по-
этому забота девочек о
мальчишке так удивляет. И
даже приводит к неумным
разговорам.
Но нельзя и девочкам до-
пускать, чтобы их обзывали
разными словами. Вот тут
надо быть гордыми.

Жена Северова,
г. Калуга, школа № 29

Я, между прочим, тоже
таких девочек не выношу,
у которых нет гордости. Да-
же это берет на них. Си-
диди на уроке, а она тебе
записки шлет, причем само-
го глупого содержания. По-
шел в ответ, например:
«Конфуций», а она — «хи-
хи, хихиха Таня у нас в
классе презирю».

Андрей Гурин,
Ленинград

А ВЫ ЧТО ДУМАЕТЕ ОБ ЭТОМ?

Дорогой БАРАБАНИ! Я
учусь в восьмом классе.
В нашем классе нет ни-
какой дружбы. Мальчишки
стали каменнее чужие. Мо-
гут устроить пакость даже
друг другу. Одни даже на
уроке физкультуры один
мальчик на вазу вышвырнул.
Все начинали смеяться, а я ниму
в виду мальчишки. Такого мне,
девочки, от них не ожидали.
Налички, БАРАБАНИ, пожа-
луйста, потому они сами над
собой смеются, делают се-
бя мерзкими и унижают до-
стоинство своего товарища.

Надя Прохорова,
г. Магасека
Донецкой области

Отклик на письмо Нади
Прохоровой читайте в сле-
дующем выпуске БАРАБА-
НА

ШКОЛА ВОЖАТИКА

Вожатки получили из Челябинска от Ирины Ждановой две
картинки, а под ними написано: «Догадаетесь, что здесь про-
исходит?»
Вожатки собрали своих лучших учеников. Ученики поглядели
на картинки и задумались. Самый толковый ответ дал Володя
Величко из Новгорода.

Что заставило ребят
ночью лезть к соседу в сад?

Что с цветами Дяди Победы
Завтра праздновал солдат?

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

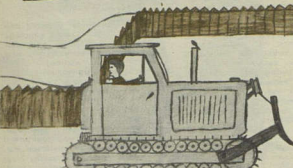
А вы, ребята, не забудете поздравить своих знакомых фрон-
товых? И в семье, и дома, и в школе, и на улице... Об
этом надо подумать заранее, придумать подарок, сюрприз.
И побольше цветов! Цветы надо заранее вырастить!

От вас, только от вас, зависит, чтобы ни один участник Ве-
ликой Отечественной войны не был забыт.
Обязательно напишите нам, как пройдет у вас праздник
Победы.

Лисья
из села

МОЙ ПАПА — ТРАКТОРИСТ
Резчик бры Хатина
ст. Кудавка Красноярского края

Жданка

Жану корову зовут
Жданка. Она тихая, не
бодается. Только не
любит комаров и со-
бак. Однажды с ней случи-
лась беда. Вечером она спо-
койно шла домой. Вдруг из
ограды выскочили две соба-
ки. Жданка побегала от них.
Собаки загнали ее в бли-
жайший лесок. Она зацепи-
лась хвостом за дерево и
оторвала половину хвоста.

Жданка прибежала домой
вся в крови. А потом целых
три дня болела, лежала.
Теперь я сама хожу за
ней в поле и провожаю до-
мой. Собак я не боюсь.
Каждый день я даю Ждан-
ке хлеба и главу ей шею.
Посылаю тебе, БАРАБАИ,
фотографию Жданки.
Марина Чуданова,
Читинская область,
село Алексеевский завод

Утро

За ручьем проснется луг,
А за лугом — речка,
И нагреет все вокруг
Солнечная пещка.

Лариса Абрэзова,
Каргасинская АССР,
ст. Лахоломнен

Родничок

Бежит родничок по дорожке,
Бежит родничок звеня,
Зовет откупиться наливко
Птиц, зверей и меня.

Татья Колмогорова,
4 класс, г. Кирово-Чепецк

Оформление Г. Ковенчука

ТЫСЯЧИ
ИСКР

Эта книга — о газете.
Под ее переплетом собра-
ны самые интересные за-
метки, очерки, корреспонден-
денции, стихи, которые в
разные годы печатались на
страницах ленинградской
пионерской газеты «Ленин-
ские искры». Газета испол-
нялась полвека. БАРАБАИ,
печатаю две заметки из
книжки «Тысячи искры».

МАГАЗИН
ПИОНЕРА

Войдешь в него — сразу
видишь: пионерский. Проти-
в дверей стоит фанерист.
Рядом с ним — кассер. Го-
рит, как настоящий. Стоишь
и ступля здесь особые — в
виде барабанов.
Это первый в стране спе-
циальный пионерский мага-
зин. Он открыт по предло-
жению «Ленинских искр».

Деткор Тая С.,
27 февраля 1935 года

Их существует
около
ста
сорока
сорок

Открыл
образцовые
детские
парикмахерские

Правление артели «Кооп-
парикмахер» одобряет пред-
ложения учеников 17-й школы
об открытии образцовых
детской парикмахерской.
Правление постановляет от-
крыть такую парикмахер-
скую со штатом лучших па-
рикетеров и с особым обо-
рудованием на улице Не-
красова д. № 12. Парикма-
херская должна быть от-
крыта не позже 20 ноября
1934 года.

Председатель правления

Света Самыкина живет
в Киргизии и считает че-
дополно идеальным. Сташи,
я поспрашаю моего друга
География Георгия Ковен-
чука сделать к ним рисун-
ки. Приглашаю и вас, ребята,
участвовать в «Веселой
почте»!

Посетительница Поктарик
Забавка Петушков
Бьет букашек,
бьет зверюшек.
Но животные решили:
«Отомстим!»
И — отомстили...

Шестиклассница Марина
Заспокойно учила.
Целый день играла
в прятки —
в результате
«а» в тетрадке.

Однажды Замфира Абдуллина, которая живет в башкир-
ской деревне Айдары, задержалась вечером в школьной
библиотеке. И нечаянно подслушала...

Терзаемый
разговор

— Помогите мне встать на
ноги, подруга! —
— Что с тобой случи-
лось? —
— Один ученик взял
меня почитать и понес, разма-
зывая на ходу, держа за
одну корку. Все мои стра-
нички трескались и болтались,
а корка треснула и оторва-
лась...
— Как же ты вернулась
сюда, бедняжка! —
— Он бросил меня за
печку, да еще не прочтя.
Оттуда меня извлекла его
сестренка и отвела в шко-
лу. Коку я теперь нужна,
такая некрасавица! —
— Кхе-кхе... Это еще

что, — раздался чей-то
простуженный голос. —
Взяли бы тебя и бросили в
луку, как меня...
— Несчастная наша
жизнь, — заплакала еще
одна книга, — хоть в мук-
латуру бросить...
— Что это вы разли-
чались? — добро спросил
кто-то. — Разве так встре-
чают новеньких? Приехала я
и вам, из типографии, чи-
стенькая, свеженькая — так
нет, все настроенье испор-
тили... Плаксы несчастные!
— Посмотрите, кто же за-
пел, когда побывавшие у
читателей, — преворчала
простуженная книжка. Все
звончались...

Эти барабашки прислал
из Новоград-Волынского
юнкор Гена Выдра

Ученики, разбирая басню
Крылова «Волк и Журавль»,
пишет: «Журавль а буду-
щем станет в ряды борцы
против крепостного права».

На уроке физики: «Мета-
галактика — это все, види-
мое с земли при помощи
микроскопа».

СЧИТА
ЛИЗ

Пролетал а недавно на
своем зонтолете над Кар-
пинской областью. Услышал
несколько забавных счита-
лок. И записал их. А какие
считалки у вас, ребята? Хо-
телось бы мне собрать
считалки из всех краев, об-
ластей и республик нашей
страны. Сделать это можно
только с вашей помощью.

Любительный Поктарик

Шел крокодил,
Трубка курил,
Трубка упала и написала:
«Шнелл мшала
Взял и вышел».

До-ре-ми-фа-со-ля-си,
Ехал Шенель на такси,
Таратунка процедила
И беспечно прокатилась.

Этже, бэтэжа,
Афуль, фэбуль,
Дабэде
Бунс.

Чиррики, микирики,
Густа, паласта,
Лебедя булесте,
Чара лива,
Два апынга,
Солнце,
Бронза,
Луковка.

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышли мышки погулять.
Вдруг раздался
Странный звон.
Мышка выскочила вон.

Ехала карета
По синему мосту.
Мост обвалился,
Карета — в реку,
Не жалко карты,
Не жалко моста,
А жалко царевны,
Она поехала.

Как у нас на сновале
Две лягушки ночевали,
Две лягушки ночевали,
На подушке ночевали,
Утром встали, щей поели,
А тебе водить велели.

Поктарик записал счита-
лки со слов Лены Горчаковой,
Катерины, Светы Сиву-
новой, Марины Костаревой
и Светы Колыновой из Осташ-
кова; Оли Демисовой и
Олеги Быстровой из Торжка.

Наверняка многие видели этот снимок. 22 октября 1921 года. Бутырский хутор под Москвой. Владимир Ильич Ленин приезжал сюда на испытания электрического плуга.

О том, как проходили испытания и как попал на них сын доярки Петя Мельников — он стоит на снимке рядом с Ильичом, — вы узнаете из этого рассказа.

К. Курбатов

МАЛЬЧИК В ПАПАХЕ

Доярка учебно-опытного хозяйства Татьяна Семеновна Мельникова вернулась из коровника, когда за окнами чуть начало наливаться светом позднее осеннее утро.

Осторожно, чтобы не разбудить ребятишек, она разделась у двери, развязала стянутый у подбородка платок и опустила на лавку. Хотелось есть, и от голода слегка кружилась голова. Привычно, как после каждой дойки, гудели натруженные руки.

Взгляд женщины скользнул по сонному полумраку жилья и застыл на Петькиных сапогах. Один вконец разбитый сапог лежал на боку, второй, будто еще крепясь, стоял рядом.

«Как же так? — раздраженно подумала Татьяна Семеновна. — Ну, развалятся они завтра. В школу ведь босым не побежишь?»

Она и злилась на Петьку, и жалела его. Разве ж Петька виноват, что родился в самый трудный год, как раз когда началась война? Он тоже хлебнул лиха за свои семь лет.

А она что? Попробуй-ка вытяни без мужа троих мальцов! Чем кормить? Во что обусть? В Питере и Москве, рассказывают, заводы один

за другим останавливаются. Ни хлеба, ни керосина. Соли — и той нет. Лошадей не стало. Эвон какую штуковину умудрили: электричеством пахать!

Татьяна Семеновна представила себе Ленина, который должен сегодня приехать к ним на Бутырский хутор.

Подойти вот к Ленину да спросить: «Как же дальше-то, товарищ Ленин?» Но вождю мирового пролетариата только, конечно, и делов, что до Петькиных сапог. Больше ему не о чем печалиться. Нет, ни одному на свете человеку, кроме нее, нету печали, чтобы накормить и обусть ее сорванца Петьку.

Разжигая плиту, Татьяна Семеновна загремела заслонками.

Петька вскочил и уставился на мать. Сприсоннок волосы у него топорщились, как иглы у ежика. Петька натянул залатанную рубашонку, торопливо сунул в сапоги ноги и волчком закружился по избе.

— Мама! — укоризненно постанывал он. — Чего же ты, мама? Просил разбудить ведь...

И, схватив серую папаху — подарок красно-

армейцев из соседнего полка, — Петька метнулся к выходу.

— Куда, шальной? — остановила его мать. — Куда же ты таким неумным перед Лениным? А ручищи-то, ручищи! — ужаснулась она.

Петька взглянул на свои ладони. Вчера вечером бегал с мальчишками в ельник, ломал еловые лапы, чтобы украсить дорогу, по которой придет Ленин. Вот липучая смола и оставила по себе память.

Купаться Петька не любил. Но тут сам забрался в корыто и стал помогать матери оттирать себя жесткой мочалкой.

После купания мать сунула Петьке кусок хлеба. Но поестъ Петька не успел: за окном раздался шум автомобильного мотора. Дожевывая на бегу хлеб и то и дело поправляя съезжавшую на глаза папаху, Петька вырвался на улицу.

Владимир Ильич приехал на Бутырский хутор вместе с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой. Весной прошлого, 1920 года рабочие 1-й Петроградской электростанции вспахали около 60 десятин своего огорода электроплугом. С тех пор Ленин внимательно следил за выпуском новых пахотных орудий. Эта работа была признана «ударно-боевой и военно-срочной». Брянскому заводу в связи с ней было даже разрешено временно приостановить выпуск бронепоездов.

Ленин пожимал встречавшим его людям руки, задавал вопросы, торопливо шагая к полю.

Под ноги Ильичу неожиданно бросился шустрый мальчуган в серой солдатской папаше. Ленин остановился, подхватил малыша на руки.

— Как зовут?

— Петя, — выпалил тот. — Петя Мельников.

— Отец здесь работает?

— Нет. Мама здесь. Дояркой. А отец помер.

Ильич насупился. Над вздувшейся губой щеткой встопорщились усы. Он поставил мальчика перед собой, посмотрел на его потрепанное пальтишко, сношен-ные сапоги.

— В школу ходишь?

— Начал ходить.

Выступавшие ораторы говорили о том, что свободные рабочие и крестьяне России найдут в себе силы победить голод, нищету и разруху.

— И сегодня мы делаем один из первых шагов к этому! — рубил рукой воздух человек в длинной кавалерийской шинели.

Загудели лебедки. Дрог-

нул и вгрызся в землю огромный плуг. Восемь тугих черных пластов медленно вздыбились над острыми ножами.

Ленин шел рядом с плугом и не сводил глаз с темных, сочных пластов земли. Петька поспевал тут же. То заглядывал в прикрытое большим козырьком кепки ленинское лицо, то, как зачарованный, смотрел на вспаханную без коня землю.

На свежие борозды с криком слетались галки. Петька нагнулся и запустил в птиц камнем.

— Вот это ты зря, Петя, — обернулся к нему Ильич. — Пусть себе червяков клюют. А папаху у тебя откуда такая?

— Красноармейцы подарили! Я к ним кашу бегал есть, а они подарили.

Плуг дополз до лебедки, тронулся в обратную сторону. Потекли рядом со вспаханной полосой еще восемь свежих борозд. Ленина просили не подходить близко к машине. Но Владимир Ильич только отмахивался.

Петьку все время норовили оттереть от Ильича. Потому что не одному ему хотелось поговорить с Лениным.

И все же и в тот вечер и еще на другой день Петька ходил по Бутырскому хутору героем. Он в десятый и сотый раз пересказывал, как Ленин спросил у него про папаху и как не велел кидаться камнями в галок.

А еще через день в учебно-опытное хозяйство примчался из Кремля автомобиль. Шофер в скрипучей кожаной куртке вручил доярке Татьяне Семеновне Мельниковой два свертка.

— Это вашему Пете. Ленин просил передать.

В одном свертке оказались четыре новеньких учебника. В другом — пальто с черным меховым воротником, шапка-ушанка и аккуратно запакованные в плотную бумагу великолепные кожаные сапоги.

Петя Мельников, теперь Петр Николаевич, и по сей день живет на бывшем Бутырском хуторе — теперешней улице Яблочкова в Москве. Когда началась Великая Отечественная война, он служил в Красной Армии. Был трижды ранен, имеет награды.

Петр Николаевич — слесарь. На ткацкой фабрике имени Петра Алексеева, где трудилась до пенсии его жена Елизавета Александровна, теперь работает старшим мастером их дочь Галина. А другая дочь — Тамара — мастер одного из московских заводов. Подрастает внук Валера, который с гордостью рассказывает, как однажды его дедушке-первокласснику прислал подарок сам Владимир Ильич.

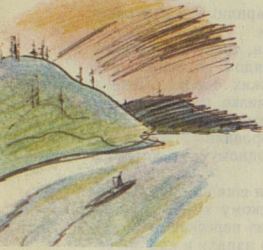

Петр Николаевич
Мельников
Фотография 1975 года

ТРАССА

Георгий Ковенчук

ПИСЬМА К СЫНУ
С БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ
МАГИСТРАЛИ

Мужик

Володя

Машина трёхтонка

Дорогой Лёша! Пишу тебе из поселка Березовый, это в ста пятидесяти километрах к северу от Комсомольска.

Железной дороги, по которой я сюда приехал, пока на карте нет, она принадлежит березовскому леспромхозу, но в будущем выйдет в БАМ. Пока по дороге ходят товарные поезда, груженные лесом, да раз в сутки пассажирский, состоящий из пяти довоенных вагонов. Поезд отходит от станции Комсомольск-2 в шесть вечера, а приходит в Березовый в два часа ночи. Вагоны везет современный тепловоз, но везет очень медленно, потому что линия не приспособлена для высоких скоростей. Ехал я и вспоминал детство, когда в таких же вагонах ездил на дачу в Сиверскую. Мимо окон проплывали сопки, за неделю они сильно пожелтели. Пока я смотрел в окно, незаметно в вагоне загорелись неяркие лампочки и пассажиры стали устраиваться на короткий ночлег.

В Березовом я без труда отыскал дом для приезжих, а рано утром отправился в штаб изыскателей восточного участка БАМа. Штаб помещается в сборном щитовом домике. Внутри настоящая городская квартира, похожая на нашу, три комнаты и кухня. Большие окна, светло. Такие домики делают специально для БАМа, их вертолетами доставляют в тайгу. В одной из комнат — кабинет начальника штаба, или, вернее сказать, начальника геодезической партии Александра Сергеевича Ганжи. Ганжа — заслуженный геодезист, известный на Дальнем Востоке. Над его столом висит карта восточного участка с подробным наименованием всех речушек на всем протяжении трассы в шестьсот сорок километров до будущего города Ургал. На трассе работают несколько отрядов, ближайший из них в пятидесяти километрах отсюда. В отряде — семнадцать человек, живут они в палатках на берегу таежной реки Ясинки. Изыскатели должны до конца лета разбить трассу и прорубить просеку расстоянием 75 километров до будущей станции Эанг. Ганжа показал мне этот пункт по карте. На БАМе работает много таких отрядов, и постепенно все участки трассы Байкало-Амурской магистрали сольются воедино. Сначала всю трассу исследуют с воздуха. Над глухой непролазной тайгой летают вертолеты, с них делают аэрофотосъемку. Полученные фотографии изучают геодезисты. Они решают, где лучше всего проложить трассу. Спорят, прикидывают несколько вариантов и выбирают самый, как они выражаются, оптимальный. После этого на вездеходах, машинах или пешком с проводниками пробираются изыскатели по тайге. Недаром этих людей называют первопроходцами. Пока геодезисты еще только рубят просеки, архитекторы уже проектируют города, которые тут будут построены, и точно знают, сколько в каком городе будет жителей.

Александр Сергеевич так интересно рассказывал, что мне побыстрее захотелось попасть в этот лагерь. Поеду я завтра утром на машине, которая повезет туда хлеб.

Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Я услышал голос Ганжи:

— Через час машина. Жду вас у себя.

Перед штабом стояла трехтонка, до середины кузова крытая брезентом. Александр Сергеевич отдавал свои последние распоряжения ехавшим в лагерь, а вокруг машины бегал и скулил большой мохнатый пес. Оказывается, он хотел ехать вместе с нами, и когда ему крикнули: «Волчок, прыгай!» — одним махом прямо с земли прыгнул в кузов, и нас стало четверо. В кузове ехали еще два бородатых студента из отряда, а в кабине вместе с перепопсанным охотничьим патронташем шофером Борисом сидел старший инженер Москвичев. Дорогой нас сильно трясло, машина то и дело буксовала в глубоких рывтинах. Посреди кузова на широко расставленных лапах стоял Волчок и задумчиво глядел вдаль. Он, вероятно, привык к такого рода передвижениям и получал от этого удовольствие. Волчок походил на старого бывалого «морского волка». Через некоторое время мы тоже последовали примеру Волчка и ехали стоя, держась за верх фургона. Машина шла по насыпи, построенной еще в годы войны. По бокам насыпи — желтеющие березы, и все это напоминало бы парковую аллею, если бы только местами насыпь не проваливалась в топкую трясину. В такие моменты наш грузовик превращался в настоящую амфибию. Когда особенно

сильно трясло, Волчок прижимался к моим ногам своим шерстяным боком, и я ощущал его ребра.

Трудное дело прокладывать дорогу в таких местах: болота, комары; зимой сильнее морозы — и все это на фоне изумительной красоты.

Часа через два у дороги показался небольшой деревянный дом с четырехскатной крышей. Тут живет со своей семьей старый звенский охотник Николай Афанасьевич Иванов. Про него мне рассказывал Ганжа и просил передать старику фотографии, на которых они вместе сняты. Мы остановились около дома. Нас встретили приветливые хозяева. Николай Афанасьевич сходил в дом за очками и с интересом начал разглядывать фотографии, а потом передал их жене. Вместе со стариками живут двое сыновей, Володя и Вася. Хозяева предложили мне остаться до следующего дня у них, а завтра проводить в лагерь, тем более что завтра Володя как раз туда собирается на оморочке. Машина вскоре поехала дальше, а я остался в гостях у Ивановых. Жену охотника зовут Татьяна Тарасовна, ей 77 лет, сколько лет самому Николаю Афанасьевичу, не знает никто. Сам он уже на протяжении нескольких последних лет утверждает, что ему пятьдесят пять и при этом лукаво улыбается. Вид у старика довольно бодрый, и, возможно, он выглядит моложе своего настоящего возраста, но лет ему все-таки не мало. Сыновья скажи, что у старика есть еще сын, которому скоро шестьдесят.

У Ивановых небольшое хозяйство. Николай Афанасьевич с сыновьями летом ловят рыбу, а зимой охотятся.

Хозяева усадили меня обедать, а после обеда мы с Васей и Володей спустились к реке. Река называется Амгунь. Шириной она чуть больше нашей Фонтани, но очень извилистая и быстрая. У спуска на берег лежали кверху днищами две выдолбленные из целого ствола лодки-оморочки, на сучке рябины висел закопченный чайник. Мы сидели на перевернутой лодке. Из-за лесистого мыса едва доносился до нас какой-то неясный шум, было похоже, что по железнодорожному мосту идет бесконечный поезд. Это шумела река на каменистом перекате. Я подумал: пройдет время и так зашумят в этих местах настоящие поезда...

Вечером мы допоздна сидели за столом, в центре которого возвышалась керосиновая лампа. На стенке комнаты я приметил замусоленный отрывной календарь за 1972 год, листки календаря заправляются за специальную резиночку. Дни недели, видимо, для хозяев не имеют особого значения. Мы разговаривали и пили крепкий чай с теплыми белыми лепешками и красной икрой.

Погода с утра была серая, похожая на ленинградскую. Сопки еле просвечивали сквозь туман. Сразу после завтрака мы с Володей отправились в лагерь. На прощание Николай Афанасьевич мне подарил свою самодельную трубку с длинным мундштуком из бузины.

Вверх по течению идти на оморочке трудно, особенно в мелких местах, поэтому я часто вылезал из лодки и шел рядом, — вот где мнегодились резиновые сапоги. По пути Володя рассказывал, какие бывают тут рыбы.

— Хочешь посмотреть, как идет кета? — спросил он, когда мы были уже на берегу. Мы забрались на вершину обрыва и посмотрели на реку.

— Смوتри! Смотри! — закричал Володя. — Вот они, видишь!!

Сначала я ничего не мог разглядеть, а потом увидел, как у самого берега, где просвечивает галька, медленно плывет здоровенная рыбина, а следом за ней еще две. Сверху были видны только их черные спины. Рыбы были большие, как овчарки, как наша Габи, и хвостами виляли по-собачьи.

— Устали, — сказал Володя, — издалека плывут.

Пройдя немного, мы оказались в лагере. На берегу таежной речки Ясинки четыре палатки. Под длинным толевым навесом стол, в конце стола сложенная из кирпичей плита, рядом аккуратная поленища березовых дров. На черном листе толя, свисающем с навеса, надпись белой масляной краской — «ХАРЧЕВНЯ ТРЕХ ЧЕРТЕЙ». Около столовой собрались все изыскатели, они только что вернулись с трассы и ждали обеда. Все они в свитерах, брезентовых куртках, резиновых ботфортах, лица веселые, загорелые. Володя тут был свой человек. Очень мне понравился парторг отряда Петр Федорович Храмов. Это опытный геоде-

у Ивановых

В лагере изыскателей

зист, проложивший за свою жизнь не одну трассу. Петра Федоровича все тут любят. Молодежь называет его дядя Петя. Дядя Петя — заядлый фотограф, он хочет создать фотолетопись отряда, начиная с самых первых его дней. Во время войны он был мотористом в полку «Нормандия — Неман».

После обеда меня пригласили в командирскую палатку. В ней живут дядя Петя, старший инженер Москвичев и Валерий Зуев, он недавно закончил ЛИИЖТ и все расспрашивал меня про Ленинград. Посредине палатки на кирпичном фундаменте натопленная железная печка, труба уходит в палаточный потолок. На стене — большая карта Хабаровского края, на которой красным карандашом прочерчена трасса Березовый — Ургал. У стен — раскладушки со спальными мешками, возле окошек с темечкатыми переплетами — рабочие столы. На столах — рулоны чертежей, готовые, линейки, теодолиты, арифмометры. На травяном полу какие-то ящики, полосатые рейки, топоры, пила «ДРУЖБА».

О науке геодезии я имею очень туманное представление. Конечно, я слышал про теодолит, нивелир, видел в Ленинграде людей с красно-белыми, похожими на шлагбаумы рейками. Обращал внимание, как люди смотрят на эти рейки в аппараты, установленные на массивных штативах, слышал про экспедиции, которые уходят в «ПОЛЕ», но вникнуть в суть этого дела мне как-то не приходилось. Я попросил хозяев палатки рассказать, в чем заключается работа геодезистов.

Постараюсь коротко написать тебе, что я понял.

Самые главные геодезические инструменты — теодолит и нивелир. Если теодолит вымеряет углы горизонтальные, то есть углы, которые образует дорога на плоскости, то нивелир вымеряет вертикальные углы, которые образует рельеф местности, где проходит дорога.

Сквозь оптику этих приборов геодезисты смотрят на полосатые двухметровые палки — вешки. Вешка имеет десять делений — пять белых и пять красных, ширина каждого — 20 сантиметров. Существуют еще рейки с цифрами, раздвигающиеся наподобие логарифмических линеек. Но как ими пользуются, я не понял. И еще очень важный инструмент — свертывающаяся в рулетку стальная линейка. Длина ее бывает до пятидесяти метров.

... *Сегодня* с утра отправился на трассу. В кузове разместились все изыскатели со своими штативами, рейками, вешками, теодолитами, пилами и топорами. Отряд ведет работу сразу на двух участках. Одна группа под руководством Зуева делает разбивку трассы в районе будущего разезда САНАХ. Свое название разезд получил от реки, что протекает в тех местах. Вторая группа, которой руководит Москвичев, работает на «ПРИЖИМЕ». Прижим это такое специальное слово, обозначающее место, где дорога идет над крутым берегом или над пропастью. С одной стороны дороги обрыв, а с другой — отвесная гора, вот и называется такое место «ПРИЖИМ». Прижим это всегда очень сложный участок. Изыскателям нужно точно рассчитать объем работы строителей, решить, как укрепить берег, чтобы он не осыпался, и не лучше ли в этом месте прорыть туннель. Много будет на БАМе таких прижимов, много туннелей, много мостов. Железная дорога пройдет там, где сейчас сплошные леса, болота и горы.

Завтра из Березового приезжает Ганжа. Ему предстоит проехать по новому участку трассы и окончательно убедиться, что этот отрезок выбран правильно. За выбор трассы отвечает начальник партии...

Вечером мы сидели под навесом «Харчевни трех чертей» и пили чай. Большое ведро с чаем стояло на плите, и мы зачерпывали прямо кружками. Вокруг темно, на небе яркие звезды, прохладно по-осеннему. На лицах блики от пылающих в печке поленьев, а из наклонной, прикрепленной проволокой к навесу трубы, как из огнемёта, вылетают искры и сливаются с звездами.

... *Опять* были на Санахе. К концу рабочего дня изыскатели должны были пройти до «ТРУБЫ», так называются небольшие железнодорожные мостики через ручьи и речушки, которые тут в изобилии.

Пока геодезисты были заняты на трассе, шофер Борис предложил

мне пойти в тайгу. „Пойдем, не пожалеешь“. „Еще бы пожалеть“, — сказал я.

Мы отехали несколько километров в сторону «трубы», оставили машину на обочине и, перейдя насыпь, углубились в лес. Борис с ружьем шел впереди меня, а я сзади, с фотоаппаратом.

— Посмотри, вот она, знаменитая черная береза, — позвал меня Борис, — очень редкое дерево.

Среди других берез я увидел обыкновенную, такую же, только черную, будто смотришь на нее сквозь очень темные очки.

Вдруг Борис наклонился и стал что-то рассматривать в траве.

— Смотри, это следы муравейника.

Я не понял, о каком муравейнике он говорит. Оказалось, что так называют здесь небольшого черного медведя. Днем медведь разоряет муравейники, а ночью в них спит.

— А его они не кусают! — спросил я Бориса.

— Ночью-то муравьи тоже спят, — ответил Борис. — А он тут совсем недавно был, — может быть, и сейчас за нами наблюдает. Любопытней медведя никого в тайге нет.

Я подумал, что в таких случаях, наверное, полагается пугаться, но никакого страха почему-то не испытал. Наоборот, мне даже интересно было увидеть медведя для полноты таежных ощущений. А потом, все-таки рядом со мной Борис.

Долго мы еще бродили по лесу. Медведь так и не появился. Время приближалось к двум часам, мы начали пробираться к дороге.

Наша встреча с геодезистами была назначена в три часа у «трубы».

Я решил посмотреть эту «трубу». С невысокого ограждения моста было видно, как по ручью несутся желтые листья и исчезают в большой бетонной трубе. Я перенулся через перила и заглянул внутрь. Там был полумрак, на сырых, покрытых мхом стенах виднелись имена строителей, нацарапанные еще по незавершенному бетону...

В Комсомольске мне говорили, что Амурский мост — одно из многих мостовых сооружений БАМа. Конечно, не все мосты будут такие, как Амурский, в их число входят и вот такие «трубы», но даже самый маленький железнодорожный мост построить не так просто.

Перед тем как спроектировать небольшой мостик, ведется серьезная исследовательская работа. Подумай, построили мост через ручей, проходит какое-то время, вода в ручье прибывает, поднимается, и ручей превращается в полноводную реку. Мост затоплен. Чтобы такого не случилось, строители изучают характер каждой речушки, каждого оврага, не говоря уже о больших реках. Они просматривают документы, письма, газеты, встречаются со старожилами. Нужно узнать, какой бывает самый широкий разлив реки, на сколько поднимается вода. И узнать надо не за какие-нибудь двадцать, тридцать лет, а за последние ТРИСТА!

Вот что такое даже самый маленький мостик.

... Когда я вчера лежал в палатке, то перед тем, как заснуть, все время думал об этой своей поездке. Я думал о том, что скоро вернусь в Ленинград, и месяц, проведенный здесь, будет казаться удивительнольным сном.

А сейчас я уже в самолете. В моем чемодане каска строителя Амурского моста, нашивка с куртки изыскателя Байкало-Амурской трассы, трубка старика-эвенка и букет из таежных веток, прикрученный к папке с рисунками.

Летим уже больше четырех часов, а под нами одна и та же картина — бесконечные зеленые волны сопки. Я даже вспомнил песню:

Под крылом самолета о чем-то поет
Зеленое море тайги...

А вот показался Байкал. Все пассажиры смотрят в иллюминаторы. Где-то тут внизу работают изыскатели западного участка БАМа, где-то тут знаменитый поселок Звездный...

Еще несколько часов — и я с тобой увижусь и сам вручу тебе это письмо.

Валерий Зюв на трассе

Вячеслав Осипенко рубит просыку

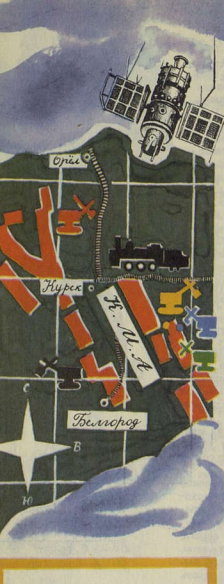
Володя Вознов за выемками

Щенок Бам

шофёр Борис Зорин

ЛЕНИН ВЕРИЛ

Поздней осенью 1918 года в голодную и нетопливную Москву приехал из Германии некто Штейн. Он встретился с народным комиссаром торговли и промышленности Леонидом Борзовичем. Красным и предложил Советскому правительству материалы покойного московского профессора Лейста — планы карты возможных залежей железа под Курском, так называемой Курской магнитной аномалии. Это были результаты двадцатилетних исследований Лейста в Курской губернии. Сам Лейст скончался летом в Германии, куда приехал лечиться, а его материалы Штейн готов продать Советскому правительству...

Загада Курской магнитной аномалии. Еще в конце XVIII века профессор Исаакович первый заметил, что в Курской губернии магнитная стрелка не указывает на географический полюс земли, а сильно, как ни в одном другом месте, отклоняется. Слово «аномалия» и означает отклонение.

И вот через сто лет профессор Лейст пришел к выводу: недра курской земли богаты железом. Вспоминис Красную Брест, где в начале 1918 года он участвовал в мирных переговорах с Германией. Среди немцев кабальный для Советской России условия германский генеральный штаб требовал отделить Курскую губернию и включить ее в состав будущей самостоятельной Украины. Видимо, германские промышленники знали о богатых курских рудах и намеревались прибрать их к рукам.

Очень нужны были молодой Советской республике железные руды. Но Штейн заломил за материалы Лейста непомерную цену — пять миллионов рублей золота.

Оформление Н. Андреева

По совету Владимира Ильича Ленин на первом Красном заседании учинил: не нужно ли покупать материалы Лейста? И получил категорический ответ: не нужно! Ученые сами производят магнитную съемку и выкупают ее точнее и быстрее, чем это сделал Лейст. И обойдется оно куда дешевле, чем покупка материалов Лейста.

К началу лета 1919 года геофизик академик Лазарев организовал экспедицию для изучения Курской аномалии. Кораблестроитель академик Крылов рекомендовал морские специалисты — магнитологи и помог получить на флоте необходимые приборы. Погнута ценное оборудование в теплушку, поисковая партия — девять человек — двинулись по путям, забитым военными повозками, в Курскую губернию.

Работать было трудно. Голодно, фронт рядом, свирепствует сыпной тиф. Случалось, незванки неприятельские разведки. И крестьянам приходится объяснять: мы — геологи, отыскать у вас землю не намерены. И все-таки изыскания шли своим чередом. К 1920 году грузилось уже несколько поисковых партий. Можно было доложить в Москву: предположить Лейста подтверждается.

В ответ последовали явные указания: ускорить поиски! Расширить район исследований! Теперь изучением КМА (так сокращенно назвали Курскую магнитную аномалию) руководила особая комиссия. Ее возглавлял профессор Иван Михайлович Губкин, талантливый горный инженер, один из тех, кто сразу увидел ленинскими планами восстановления хозяйства страны.

Советское правительство приравало исследование КМА к важней-

В КУРСКОМ РУДУ

шим и первоочередным работам, а это означало — снабжать всем необходимым в первую очередь.

В 1921 году настало время загнать в курские недра, начать бурение скважины. Но где взять буровой станок? Владимир Ильич договорился с нефтяниками города Грозного, и они отдали станок для такого важного дела.

В особом вагоне, под охраной, буровой станок двинулся в далекий путь. Состав приближался к Ростову, когда на него напали бандиты. Они разгромили вагон со станком и расстреляли трех человек из охраны.

Другой поезд с буровым оборудованием так и не дошел до курской земли. Чуть-то заглох и заглох в Тифлис.

Бурить начали летом 1922 года. Очень скоро геологи отметили: чем глубже уходит бур в скважину, тем сильнее намагничивается его долото. Вернувшись с глубины 160 метров, оно уже притягивало железные предметы весом до 38 килограммов. Видно, железо залегало близко. Но образцов железной руды еще не было. Геологи с нетерпением ждали заветной породы. Иначе, с еще большим нетерпением ждали радостного известия Владимир Ильич.

Наконец, долото встретило долгожданную твердую пласт. Ее еле-еле удалось пробурить. Но потом снова пошла глина и мягкие породы... Некогда недавние друзья КМА разувались: может быть, там и вовсе нет железных руд!

А долото снова ударило в толщу твердой породы. Такой твердой, что пришлось применить алмазную, самую крепкую коронку.

Владимир Ильич между тем спрашивал: не пора ли провести узкоколейку к месту работ? Не пора ли строить электростанцию?

Карту КМА и материалы исследований хранил в своем кабинете директор биодифференциального института академик Лазарев — руководитель разведки курских недр.

22 апреля 1922 года в институт приехал Владимир Ильич. После зловещего похрюкивания из жизни Ленина, а в плече отлегло пуля, и нужно было сделать рентгеновский снимок. Но прежде всего Ленину хотелось увидеть карту КМА. Он рассматривал ее во всех подробностях, его интересовало все: приборы, методы, результаты, выводы. Каждый ответ Лазарева вызывал новые и новые вопросы Владимира Ильича.

Нарком здравоохранения Самойло напоил Ленину, что пора сделать снимок. Но Ленин расспрашивал и расспрашивал Лазарева. Был истощен, но в будущем обеспечить страну запасом железа!

Ленин верил в успех КМА. Писал: «Понятно доказано, что мы имеем там несомненно богатый запас чистого железа».

В апреле 1923 года горняки привезли в дар Ленину образцы курской руды. Но Владимир Ильич уже был тяжело болен. Летом того же года академик Губкин побывал на местах разработки КМА и попросил Наркомду Константиновича передать Владимиру Ильичу альбом фотографий, изображающих наиболее важные работы на Курской магнитной аномалии. Был Ленин, по словам Губкина, был уверенным другом и защитником КМА.

Н. Валовская

Руду на Курской магнитной аномалии обычно добывают открытым способом. Породы, не содержащие железа, удаляют, пока не дойдут до руды. Это удобно — не нужно прорывать глубоких шахт.

Верхний чертополоховый слой бережно снимают: пусть на новых местах он даст богатый урожай. Глина, песок, мел — полезные строительные материалы, ими тоже распоряжаются по-хозяйски.

Человек заставил работать и воды подземных рек и озер, которые на КМА много. Сильная струя воды из водной пушки срезает огромные слои породы.

Добутую руду сразу же обогащают — отделяют нечистые породы, чтобы содержание железа было выше, доброт, измельчают и отправляют на завод.

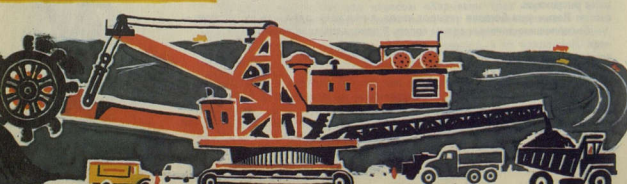
Хозяйство богатейших комбинатов очень велико — экскаваторы, драбены, экскаваторы, бункеры, конвейеры, туннели. Много сложных машин, механизмов и агрегатов.

На добычу курского железа работают более тысячи человек, управляющих сложной техникой. Оборудование поступает из советской республики и зарубежных стран.

С северо-запада на юго-восток простираются как бы поднятые сорные чащи, содержащие железную руду, длиной более 800 километров, шириной около 200. На площади КМА — 160 квадратных километров — может разместиться такое государство, как Греция.

Запасы железной руды огромны — триллионы тонн.

На этой карте обозначены пять местоположений. В некоторых руда залегает близко от поверхности, на глубине 60 метров, в других уходит вглубь до 880 метров.

Сундучок,

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

Рассказ бывшего обер-лейтенанта германской императорской авиации, а ныне представителя коренного населения атолла ГФ-39 Германа Николаевича Фогеля

В конце лета 1914 года молодой сорокалетний российский подданный Герман Николаевич Фогель-Кукушкин лечил невралгию на купаниях в Баден-Бадене, когда разразилась первая империалистическая война. Герман Николаевич был интернирован германскими властями. Власти насильственным путем лишили его русской половины фамилии, объявили немцем, засадили за руль «альбатроса» и приказали: — Фогель, летай!

«Альбатрос» решил все дело. Молодой человек был весьма увлечен этим новеньким летательным аппаратом и дал себя вовлечь в братоубийственную войну. Конечно, в русские войска Герман Николаевич не стрелял, а просто себе летал на своей мощной машине и бомбы сбрасывал в облюбованное им болото в трех верстах к северу от Перемышля. Как вдруг за ним стал гоняться русский летчик, по сведениям разведки, поручик Четверкин. Герман

Николаевич был вспыльчивый сорокалетний молодой человек, и его раздражало, что ему мешают летать. Сначала они только грозили друг другу кулаками, а потом стали садиться друг другу на хвосты, и вот однажды хитроумный Четверкин швырнул в Германа туюк горящей пакли.

Оказавшись в болоте, Фогель было уже обрадовался возвращению на родину, как вдруг германская армия начала наступление и вытащила его из болота. Он был награжден серебряным крестом и отправлен на Западный фронт. Здесь он однажды стал свидетелем газовой атаки. Зрелище человеческих страданий настолько глубоко поразило Германа Фогеля, что он решил раз и навсегда порвать все связи с цивилизацией, которая, по его наивному размышлению, была виновницей этих кошмаров. Он дезертировал из армии и пробрался в Аргентину, оттуда — в Чили, из Чили — в Перу и, наконец, в Перу он попросил капитана китобойца найти ему в океане необитаемый атолл, чтобы там он мог встретить закат своей жизни. Он думал о закате жизни, потому что сразу после газовой атаки превратился из молодого сорокалетнего человека в пожилого сорокалетнего человека.

Закат его жизни, как видим, значительно растянулся. Китобоец высадил его на этом никому неизвестном атолле в середине 17-го года, и годы потекли, как мелкие волны в лагуне, когда за рифовым кольцом бушует шторм. Он потерял им счет. Ничто уже не связывало его с современной цивилизацией. Больше двадцати лет он вообще не видел ни одного цивилизованного человека, но однажды, как потом выяснилось, в октябре 1939 года, рядом с атоллом вынырнула из глубин японская подводная лодка. С лодки высадились моряки и взялись устраивать на атолле что-то военное. Тогда и появилось в лощих обозначение «атолл ГФ-39», но никто не знал, что это инициалы отшельника. Моряки построили на атолле радиостанцию и начали было уже скучать и отрываться от цивилизации наподобие коренного населения, т. е. Германа Фогеля, как вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — горизонт стал раскалываться военными сполохами, и в этих багровых просветах стали появляться силуэты боевых кораблей. Прошло еще какое-то время, и однажды ночью моряки покинули атолл и оставили свою рацию Герману Фогелю. Перед уходом они долго втолковывали ему, что он — их ближайший союзник в нынешней войне, но Фогель настолько оторвался от цивилизации, что не очень их понял.

Рацией, однако, он начал пользоваться, вначале только чтобы слушать музыку, а потом стал членом международного клуба коротковолновиков. Фогель проводил последующую череду лет по-прежнему в полном одиночестве, но теперь он все же был в курсе мировых событий жизни всего остального человечества. Конечно, у него были весьма своеобразные представления о новых явлениях современного ми-

Окончание. См. «Костер» №№ 1—3, 1975 г.

ра. Как слепой с рождения человек по-своему представляет себе всякий предмет, о котором слышит, так и одинокий островитянин по-своему представлял себе такие явления современной жизни, как например, «освоение космического пространства» или танец твист. К тому же аккумуляторы радиостанции начали «садиться» и связь с внешним миром вновь начала слабеть, о чем, надо сказать, Герман Фогель далеко не всегда жалел.

И вот недавно одно из явлений современного мира явилось на атолл ГФ-39 и продемонстрировало себя во всем великолепии. Это было далеко не лучшее явление и имя ему — «мафия».

Их было человек десять. Они выпрыгнули из вертолета и пошли к Фогелю, побрякивая своими брелоками, браслетами, талисманами, пистолетами, наручниками, кастетами, кинжалами, подметая пляж клешами немыслимой расцветки и поблескивая своими золотыми зубами и солнечными очками. Впереди шла женщина редкой красоты.

— Фогель? — коротко спросила она, и тут же гигант-островитянин потерял сознание.

Очнувшись он связанный на полу своей хижины. Мафиози набросились на него с вопросами о каком-то сундучке, в котором что-то стучит, и о флейточке из дерева «сульп». Он ничего не понимал и, стиснув зубы, переносил мучения.

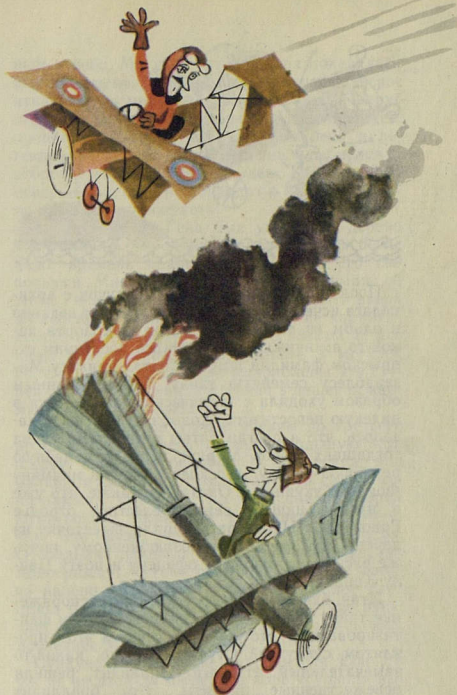
Наконец, они отшвырнули его в угол и перестали обращать внимание. Один из бандитов прикинул к стене карту мира и поставил крестик прямо в середине океана, там, где предполагался необозначенный атолл ГФ-39. На карте уже было несколько крестиков — в Европе, Северной Америке и на острове Маврикий.

— Итак, с Фогелями покончено, — жестким голосом сказала женщина редкой красоты, — остался один Кукушкин. Сундучок, безусловно, находится здесь!

И она своим до странности неприятным пальцем ткнула в родину Германа Николаевича Фогель-Кукушкина, в дельту реки Невы, в город Санкт-Петербург, нынешний Ленинград. Бандиты начали громко обсуждать свои планы, подкрепляясь колоссальными дозами виски и джина, выгруженных из вертолета. Скоро обсуждение планов стало напоминать настоящую вакханалию. Они не обращали никакого внимания на своего еще живого пленника. Герман Фогель понял, что он приговорен. Островитянин не особенно боялся перехода в мир иной. За долгие годы одиночества на атолле ему даже стало иногда казаться, что этот переход не принесет ему существенных изменений. У него уже сложилась психология первобытного человека. Сейчас он лежал связанный в углу хижины и слушал пьяные выкрики мафиози. Из этих выкриков постепенно сложилась для него картина преступления.

Вот как она сложилась в представлении измученного пленника.

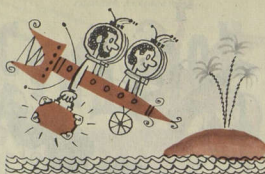
На каком-то отдаленном архипелаге существовала легенда, что в незапамятные времена

там приземлился космический корабль из созвездия Кассиопеи. Кассиопейцы постепенно в течение веков одичали, но перед тем как одичать, они укрыли где-то на архипелаге свои сокровища, стоимость которых даже нельзя подсчитать земными цифрами.

Затем столетий эдак триста—пятьсот назад на архипелаг приплыл на своем катамаране прародитель Еон с тремя сыновьями — Мисом, Маком и Тефя. Хитрый прародитель подобрал ключи к кассиопейским сокровищам, но вместо того чтобы любезно оставить эти ключи нынешним бандитам, укрыв их в каком-то таинственном сундучке, внутри которого что-то всегда стучит. Сундучок был изготовлен Еоном из дерева «сульп», легендарного растения, которого никто никогда не видел, и открывался он только флейточкой из этого же легендарного растения. Сундучок и флейточка передавались потомками Еона из поколения в поколение и так докатились до XIX века, когда на архипелаг совершила набег пиратская эскадра адмирала Рокера Буги. Тогда разгорелась жуткая битва, решающее слово в которой сказал русский клипер «Безупречный», отогнавший пиратов от архипелага и потопивший их в просторах океана.

После этой роковой битвы сундук с архипелага исчез, затихли и легенды. И вот недавно в одном из винных погребок Оук-Порта какой-то пьянчужка, оказавшись последним отпрыском фамилии Еон, выболтал бандиту Мизерабелу семейную тайну. Тайна странным образом уходила с тропического архипелага в далеком непостижимо холодную Россию. Оказалось, что в разгар битвы с пиратами глава тогдашних Еонов Маркус передал семейную реликвию врачу русского клипера миномуху Фогелю-Кукушкину. Оказалось также, что уже в начале нашего века престеленое отродье Еонов юная Никитеря подарила флейточку из дерева «суль» своему возлюбленному, опять же русскому, молодому офицеру и поэту Павлу Конникову.

Итак, бандиты, заполучив в свое распоряжение тайну благородного семейства, стали фанатизировать — что же там стучит в этом проклятом сундушке? Стучит, конечно, какой-то замечательный атомный бриллиант, решили невежественные бандиты. Этот бриллиант можно толкнуть в Лондоне или Нью-Йорке миллиончиков за десять и погужеваться в свое удовольствие «Вам лишь бы толкнуть и погужеваться», — сказала им предводительница, — а жаль тем, захватив невиданные космические сокровища, мы можем стать властелинами мира».

Эта дама редкой красоты и коварства собрала информацию раздобыта план. Она выяснила, что фамилия Фогель-Кукушкиных распалась, что многие Фогели разделились по разным странам. Мафия пустилась на поиск ничего не подозревавших мирных Фогелей и отмечала космическими крестиками на карте следы своих преступлений. Последний крестик они поставили на атолле ГФ-39. Теперь они взяли на мушку ленинградского Кукушкина.

Герман Николаевич вдруг вспомнил дом своего двоюродного брата, четырехэтажный дом на Екатерининском канале возле мостика, который держали в зубах четыре льва с золотыми крыльями. Более того, он вспомнил портрет своего предка, флотского лекаря, висящий возле камин, и фолант его дневника. Более того, обшарившаяся от переживаний и физических мучений память обнаружила в своих глубинах и маленький желтый сундучок с таинственной монограммой. ...Так вот, значит,

что! Значит, эти бандиты вышли на правильный след! Герман Николаевич стиснул зубы и дал себе слово помешать злодейским замыслам. Когда бандиты затихли, он перегрыз зубами свои путы, выполз из хижинки, добрался до оружейного склада, оставленного на атолле японскими моряками, и стал забрасывать свою хижинку гранатами и обстреливать ее светящимися пулями из пулемета.

Началась великая паника. Бандиты оказались трусами. Они не приняли боя и, кое-как отстреливаясь, ринулись к своему вертолету. Фогель не успел подстрелить вертолет, бандиты скрылись.

Что делать? Как сообщить в Ленинград о грозившей опасности? Что там в этом сундушке — материальные или культурные ценности, — это неважно. Важно, что он стал целью мафии, а это повлечет за собой цепь преступлений.

Герман Фогель развернул свои таблицы. В них значились имена и позывные сотен радиолучителей, с которыми он собирался установить контакт, пока аккумуляторы его станции не выдохнут. Вскоре он нашел в таблицах нескольких ленинградцев и среди них ленинградского коротковолновика Геннадия Стратофонта.

Стратофонто! Это имя всплынуло, как молния, в ожившем от спячки мозгу остротыниана. Да ведь это же потомок командира моего предка — капитана первого ранга Стратофонта, человека широких прогрессивных взгля-

дов. Он вспомнил даже эпизоды своего петербургского детства, и вспомнил, с каким уважением, если не благоговением, производилось за семейным столом фамилия Стратофоновых.

Герман Николаевич составил тогда радиогамму.

Он послал эту радиогамму в эфир, пока не погасили последние огоньки в его рация...

Члены экипажа зурбаганского лайнера и два молодых леопарда с удивлением следили за действиями юного мальчишки, которого они уже успели узнать и полюбить. Геннадий Стратофонто, весь во власти своей интуиции, стоял, прижавшись ухом к теплоту, чуть ли не горячему колу дерева «суль», а пальцами правой руки держал свою левую руку за пульс. Губы его слегка шевелились, он живо считал. Пульс-суль, пульс-суль. Эврика! Как пульс и счет ударов в глубине таинственного дерева совпадали! Это таин-

ственное дерево обладало таинственными свойствами — это было дерево-резонатор! Так вот, значит, что стучит в глубине легендарного сундука — собственный пульс человека, который присоединит к нему свое ухо. Пульс, усиленный особыми резонаторными свойствами деревянной ткани! Гена обшел дерево вокруг. Пожале, прогулка вокруг основания Останкинской телевизионной башни заняла бы не намного больше времени. Он еще раз посмотрел вверх. Дерево было прямым и каким-то устремлен-

ным в небо. Могучие ветви и кора показались вдруг мальчишке чем-то посторонним. Невероятная мысль мелькнула в его голове: а вдруг это дерево суть та самая ракета каспоспейцев, превратившаяся за бесчисленные века в легендарное дерево «суль»? Гена улыбнулся и отбросил эту невероятную идею. Какие только невероятные идеи не приходят в голову в период переходного возраста!

В одном лишь Гена был уверен — дерево это помнило стародавние имена, может быть, даже времена прародителя Еона с его сыновьями Мисом, Маком и Тефя. Думая об этом, Гена вдруг обнаружил, что «идет» вверх по дереву. Именно идет, не лезет, не карабкается, а идет, потому что под его ногами не что иное, как ступени, выдолбленные в могучей коре. Когда? Когда были выдолблены эти ступени? Они напоминали ступени в пещерах крома-ньонского человека.

Он поднялся по этим ступеням до третьего яруса ветвей и здесь увидел небольшую площадку, вроде бы балкон. Он вздрогнул: над балконом слабо вырисовывалась та самая монограмма, которая, по описаниям Юрия Игнатьевича, украшала таинственный сундучок. Это было что-то молниеносных догадок. Очередная прозвизга Геннадия: он разгадал монограмму! Читаем слева направо или справа налево — первое М — это Мис, далее идет ствол буквы Т и одновременно I — это означает Еон и его третий сын Тефя; и наконец, последнее М — Мак. Ура!

Сундучок — изделие прародителя Еона, и уж не из той ли выемки в коре «суль» вырезал старый катамаранщик материал для своего изделия?

Гена чувствовал какой-то необычайный даже для него подъем интуиции и вдохновения. Итак, теперь уже ясно окончательно: сундучок с заключенными в нем ценностями, культурными или материальными, принадлежит архипелагу, а следовательно, и народу Больших Эмпиреев. И он будет возвращен народу, где бы ни забыл или ни припрятал его хитрюга или растапа Сиракузерел!

Однако, подумал мальчишка и тут же вспомнил о флейточке. Как подкасаивать ему его интуицию, без флейточки из дерева «суль» не откроется сундучок из дерева «суль», а

флейточка... Гена непринужденно окрылся и потрогал не вполне еще рассосавшуюся гематому на подбородке. Флейточка в руках у мадам Н-Б...

Эрика! — вскричал он в который уже раз за это утро. Смешно грустить о флейточке из дерева «сухля», стоя на самом дереве «сухля»? Гена побежал по одной из ветвей третьего яруса, словно по корабельной рее, и добежал до самого ее кончика, где имелись нежные отростки. Вынуть — верный способ вынуть из него сердечинку и сделать в коре три дырочки — все это было для мальчика делом десяти минут. Через десять минут в руках у него была флейточка. Он дунул, и... странный, протяжный, вроде бы не очень и земной звук вылетел из флейточки. Гигантское монументальное дерево отозвалось на этот звук чрезвычайно странным рокотом, трепетом, подергиванием всей коры от макушки до корней, словно живое существо. Гена был теперь уверен, что у него есть ключ к сулунку. Он сунул флейточку за пазуху и потуже затянул пояс джинсов.

Он чувствовал, что чудеса сегодняшнего дня еще не кончились, что основные события впереди. Спрыгнув прямо с третьего яруса в дружинистый дерн, он взобрался на скалу и выглядел в мерскую даль, сверкающую уже под молящими оранжевым солнцем. Внизу на

страшной глубине под обрывом он увидел, что поверхность моря рассекают шесть пенистых бунчиков, словно идут ромбом шесть торпедных катеров. Метрах в двухстах под ногами плавала в воздухе крупная чайка. Что-то знакомое сквозило в манере полета этой птицы, что-то родное, домашнее... Так летают крупные чайки-самцы в долине любимой Невы. Ей-ей, парашюта визну чайка чем-то напоминала дружину Виссария.

— Виссари! — крикнула визн Геннадий шутки ради. Прошло несколько секунд, прежде чем голос его долетел до чайки. И тут же птица взметнулась и, стремительно набрав высоту, опустилась на скалу рядом с Геннадием. Это и в самом деле была Виссария.

Что? Каким образом? Дружинке Виссария, вы ли это? И если это вы, а не ваш океанский двойник, то как вам удалось за столь короткий срок покрыть столь гигантское расстояние? И какова цель вашего прилета на острова Фео?

Все эти вопросы готовы были сорваться с языка Геннадия, но не успели сорваться, потому что Виссария предупредила все эти вопросы одним лишь поворотом головы. Он повернул голову влево и чуть вверх, и Геннадий увидел на шее у сильной птицы кожаное кольцо с кнопкой. Виссария со спокойным дружелюбием пригласила своего старого приятеля (если птица может так сказать о тринадцатилетнем мальчике) растегнуть кнопку. Геннадий последовал за этим приглашением и извлек из кожаного кольца письмо, адресованное ему. Письмо было от Питирима Куку-Ушкина. Оно гласило:

«Привет из Ленинграда!
Многоуважаемый товарищ
Геннадий Эдуардович!

Во имя того, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации сообщая вам срочные новости. На следующий день после отбытия вашего многоуважаемого семейства на праздник дружественной нам залой нашей мне позволено из «Интурста» и сообщить, что во время санитарной обработки в номере отбывшего ранее по собственному желанию иностранного подданного Сиракузерса А. С. найден искомым вами и ранее принадлежавший мне, а ныне братскому империальному народу предмет.

В присутствии участкового уполномоченного был составлен акт и предмет был передан мне для дальнейшего пользования. Составив вам сообщить, что сулундук пребывает в неопределенном состоянии и в нем по-прежнему что-то стучит. Прошу передать эту новость всему милому народу Больших Эмпирев, за свободу которого борются наши предки под одним парусом. Кстати, не прорастает ли на их территории растение «гуммиванс»? Вы знаете, зачем оно мне...

Геннадий Эдуардович, до вашего возвращения на избежание каких-либо повторных

эксцессов я укрыв сулундук в очень надежном месте. На всякий случай, если я вдруг забуду (чего не может быть), напомните этире цифры, дату Грюнальдовской битвы...»

Внезапно из-за плеча Геннадия на письмо опустилась рука в черной кожаной перчатке. Вторая точно такая же рука как-то довольно-таки стальным зажимом сдвинула его горло.

Какая приятная встреча, Джин Стрейтфолд, сэр — владелица этих двух рук мадам Накamura-Бранчковска издательский засмеялся.

Гена почувствовал себя беспомощным: при малейшем движении стальной зажим сильнее сдвигался вперед.

Между тем мадам Н-Б, с силой, удивительной для женщины, повлекла тело Геннадия в расселину между скал.

Товарищи Геннадий Фил, Эсп, Энт, Газа и Акси не видели происходящего, заняты на наблюдением за единственной стороной склона, по которой бандиты могли бы предпринять штурм вершины. Чайка Виссария бестрашно, не соразмеряя сил, бросилась на защиту своего друга, но силы были явно неравны — мадам увлекла мальчика в расселину. Однако в самый решающий момент в эту неожиданную вступил один из молодых красивых леопардов. Он прыгнул на спину хищнице рода человеческого и спастик образом Гену Стратофитову, то бишь Джина Стрейтфолда, от увлечения в расселину, где его, конечно, ждали серьезные неприятности.

Освободившись от стального зажима, Гена отпрыгнул в сторону и увидел перед собой загроможденную картину: на ярко-зеленом ковре мха катались, сплелись, женщина в черной коже и пушистый леопард. Женщина была страшнее. Каким-то неженским усилием она отшвырнула леопарда, всколыхнула на ноги, дважды выстрелила в Гену и скрылась в темной расселине.

Пули прошли мимо, но, словно в ответ на эти выстрелы, заговорили внизу автоматы гангстеров.

Гена бросился к своим. Все три летчика и две стрелы заняли боевые позиции в скалах. Они ждали команды своего юного командира. Гена выглянула из-за скалы и увидел, как по желтому крутому склону лезут вверх Грумло и Пабст, Мизераблес и Латтифуд, Буллит и Тиучан и еще не менее двух десятков бандитов. Эта атака напоминала ему эпизод из любимой когда-то в детсадовский период книги «Остров сокровищ»: атаку пиратов на крепость капитана Смоллета. Вспомнив этот эпизод, он подумал, что их положение гораздо серьезнее, чем у героев Стівенсона, их окружает целый взвод суперсолдат, вооруженных современным оружием и умеющих им пользоваться.

Помощи ждать неоткуда, помощи не предвиделась. Кроме чайки Виссария, у них здесь только два союзника — два молодых неопытных леопарда. Кстати, где же эти леопарды? Он оглянулся и ахнул.

По стаду гигантского лерва на дружку спускались молодые леопарды, но не два, а шесть! Шесть грациозных и сильных зверей с умами и какими-то очень знакомыми глазами. Очередная догадка главной промелькнула в голове мальчика. Он посмотрел внимательно на столь знакомую ему живо-благословенную осанку, на раскраску шерстки не очень-то леопардно, а скорее просто кошачью, на пушистые хвосты этих животных и понял, что это — дети Пуши Шуткина, достославного боевого kota, которому он в течение последнего года имел честь предоставлять стой и кров.

— Уж не детей ли своего друга Шуткина я вижу перед собой?! — воскликнул Гена, и молодые леопарды тут же подтвердили его догадку. При имени своего достославного родителя они радостно замыкнули, припрыгали и кланялись шестому леопарду. Дружески потерлись головами о Генин бок, отчего бок стало немного салить. Затем леопарды выгнули спины, подняли трубами свои пушистые хвосты (ну вылитый папа!) и всем видом показали, что они готовы принять участие в битве.

Друзья, — сказал Геннадий детям. — Эти молодые животные — наши союзники. Кроме того, в нашем распоряжении чайка-связной, — он повернулся к Виссарии и обратился к нему с просьбой. — Дружинке Виссария, сможете ли вы интриговать человеческую фразу? Чабби Чаккерс, на помощь?

— Чабби Чаккерс, на помощь! — проорал Виссария довольно похоже.

— Bravo, дружинке! В таком случае, летите к морю и кричите эту фразу без остановки. А мы попробуем прорваться, — он посмотрел на нас. — У нас в запасе 0,5 минуты.

— Ах, Гена, — проговорили Газа и Акси, внимательно глядя на него своими большими зурбаганскими глазами. — Какой вы удивительный, удивительный, просто удивительный мальчик!

Гена собрал все силы, чтобы

не побагроветь под этими взглядами, но все-таки побагровел.

— Мисс Гала и мисс Акси, — сказал он учтиво, но все-таки звенящим от волнения голосом. — Я самый обыкновенный, самый обыкновенный, обыкновеннейший подросток.

Ну, вот вам, дорогой читатель, дополнительный штрих к портрету нашего героя. Каково? По излюбленному выражению Валентина Брюквина, как говорится, «ноу комментс».

Справившись с волнением, Гена сделал знак леопардам, и они все семеро (молодые Шуткины плюс Стратофонов) собрались в кружок, голова к голове, как это делают шведские хоккеисты перед началом игры.

Гена что-то шепнул леопардам, и те мгновенно исчезли. Оставшиеся секунды Гена потратил на совещание с летчиками.

Итак, атакующие быстро шли вверх по желтому склону и вели страшный огонь по вершине, то и дело вставляя новые кассеты в свои автоматы. Странное дело — им не отвечали. Они прошли уже половину склона — ни одного выстрела сверху. Наконец они ринулись вперед и добрались до спасительных скал. Быть может, у беглецов уже нечем стрелять?

— Сейчас, ребята, мы их возьмем тепленькими, — прохрипел Пабст. — Бифштекс, три картошки и два помидорчика...

Он захохотал, похлопывая себя по ляжкам, и вдруг завопил от ужаса. На него со скалы, растопырив страшные лапы и жутко шипя клыкастой пастью, падал леопард. Спасительные скалы оказались западней для гангстеров. Шесть леопардов бросились на мерзавцев и взялись терзать их без всякого разбора. В тесноте скального убежища пустить в ход огнестрельное оружие было невозможно. Один за другим вылетали растерзанные, обезумевшие от боли и страха мерзавцы назад на желтый склон, и здесь они попадали под огонь отступающего маленького отряда смельчаков. Ма-

ленький отряд благополучно пересек желтый склон и углубился в джунгли. Они бежали что есть силы к морю. Море, превращавшее остров в естественный капкан, могло стать и дорогой к спасению.

В северной части бухты, затененной прибрежными скалами, бороздили воду шесть дельфиновых плавников, а над ними кружил не кто иной, как Виссарийон, не кто иной, как чайка-посыльный Виссарийон. Он кружил, и кричал, и кричал, и кричал, но за шумом пальм его не было слышно. Что касается дельфинов, то они явно плавали не просто так, они плавали отчетливыми кругами и в конце круга каждый из них высоко выпрыгивал из воды, явно показываясь.

Геннадий внимательно вглядывался в крутые лбы и лукавые клювы этих морских чело-веков. Он заметил, что они очень молоды, хотя и огромны. Что-то чрезвычайно знакомое и милое почудилось вдруг ему в манере их прыжков, и вдруг очередная молниеносная догадка (какая уже по счету за этот день) пронзила его.

— Друзья мои, мы спасены! Перед вами дети моего старого друга Чабби Чаккерса! Они посланы нам на помощь!

— Сколько же вам теперь лет, Герман Николаевич? — спросила Даша Вертопрахова одинокого гиганта-островитянина, который, несмотря на свою чрезмерно длинную растительность, от общения с людьми приобрел уже человеческий облик, более того — облик русского человека.

— Не знаю, малютка, — вздохнул гигант и погладил девочку бронзовой рукой по золотистой голове.

— Могу сказать лишь, что чувствую себя сейчас значительно лучше, чем на купании Баден-Бадене, малютка.

Они вдвоем, бронзовотелый старый гигант и стройная девочка переходного возраста, прогуливались, беседуя, по восточному берегу ГФ-39, по маленькой плантации каких-то странных кактусообразных растений, от коих исходил весьма приятный аромат.

— Любопытно было бы узнать, что за растение вы выращиваете в своем уединении, любезный Герман Николаевич? — поинтересовалась Даша.

— О, это чрезвычайно редкие растения, малютка, — сказал Фогель, — и выращиваю я их не из плотоядных побуждений, а лишь ради их запаха и дивной смолы, так напоминающей родную Прибалтику. Это растения «гумчванс», малютка. Я привез их семена еще из Перу в 1917 году...

— Как! — вскричала Даша. — Да знаете ли вы, любезный Герман Николаевич...

И она рассказала одинокому островитянину об изысканиях его ленинградского родственника Питирима в области идеальной еды. Сообщение это очень взволновало Фогеля. Как?! Его трудолюбивый двоюродный племянник нуждается в каких-нибудь нескольких граммах смолы «гумчванс» для завершения своих гениальных опытов, а у него здесь этой смолы в избытке... Даше даже показалось, что одинокого островитянина потянуло куда-то вдале, может быть, даже в родной город, на канал Грободева... Вдруг!

— Пароход! — закричала, едва ли не завизжала Даша. — Герман Николаевич, взгляните — на горизонте пароход!

Океан штормило. Косматые валы шли чередой с юго-востока и разбивались о коралловые рифы в километре от острова, но тем не менее на горизонте действительно было отчетливо видно белое пятнышко — пароход!

— Удивительно, — сказал Фогель. — Вот уже десять цветений «гумчванс» я не видел на горизонте ни одного парохода. Мой остров, малютка...

«Малютка» его не слушала. Она неслась со всех ног к штабу экспедиции, где вот уже несколько часов разбирались различные варианты спасения.

Юрий Игнатьевич Четверкин, Г. А. Помпезов, Фуруруа Чуруруа, папа Эдуард, баба Маша и мама Элла вкупе с английским пастором, итальянским коммивояжером и отцом семейства хиппи совещались, потягивая напиток, настоенный на смоле «гумчванс». Обстановка была идиллическая, а положение между тем вполне серьезное. Пищевых ресурсов атолла ГФ-39 хватало бы всем пассажирам «ЯКА-40» на 3—4 полновесных обеда и на столько же завтраков. Разумеется, рядом был океан с его неисчислимыми ресурсами, но для того чтобы обеспечить всех рыбой или моллюсками, нужна была бы целая артель рыбаков такого класса, как Фуруруа Чуруруа. Кроме этого вопроса первичной важности, всех, разумеется, беспокоили и другие важные вопросы. Ведь не моллюсками же одними, не кокосами, не рыбой же

жив человек. В частности, необходимо было довести до сведения человечества весть о преступлении международной мафии, о захвате бандитами национального достоинства Больших Эмпиреев. Короче говоря, надо было выбраться. Каким образом? Разбиралось два основных варианта. Первый заключался в том, что вождь Фуруруа Чуруруа на своем стремительном каное скользит к ближайшим центрам цивилизации и вызывает помощь. Второй состоял в строительстве на атолле собственного плавсредства, способного вместить всех пострадавших. Надо ли говорить о том, сколько минусов было у этих двух вариантов? И между прочим, главный минус был у всех перед глазами — лохматые валы, свирепеющий с каждым часом океан.

И вдруг прибежала Даша Вертопрахова с криком: «Пароход, пароход!» Все вскочили, взбежали на малый холм ГФ-39 и впрямь увидели среди волн какое-то белое судно.

Увы, оно было слишком далеко и по всем признакам не собиралось подходить ближе. Сигнализировать выстрелами? Бессмысленно. В шуме океана моряки не услышали бы даже голоса солидной пушки. Ракетами? Но ракет не было. Дымом, как в старину? Что ж, можно и попробовать, но увидят ли? И, наконец — плыть к этому далекому белому пароходу, который по неизвестной причине дрейфует на траверзе ГФ-39... такая задача была по плечу лишь одному человеку, и все молча повернулись к интеллигентному вождю Фуруруа Чуруруа.

Но даже этот незаурядный человек, в мужестве которого нам не приходится сомневаться, усомнился в своих возможностях.

— Мадам и месье, я могу попытаться счастья на своем стремительном каное, но, увы, я не уверен, удастся ли мне преодолеть в такую погоду рифовое кольцо, а оставлять вас одних...

Все обратили теперь взоры к кипящему в белой пене рифовому кольцу и ахнули: в этих ужасающих водоворотах мелькали темноволосая голова и оранжевые спасательный жилет одинокого пловца.

— Кто этот удивительный смельчак? — вскричали все присутствующие.

— Это Валентин Брюквин, наш одноклассник, — тихо сказала Даша Вертопрахова. Лицо ее было чрезвычайно бледным, но круглый, как солнечный зайчик, румянец гордости за свой класс прыгал с одной бледной щеки на другую и освещал ее синие глаза.

Это был «звездный час» Валентина Брюквина. Фыркая и отплываясь, он плыл вольным стилем, уже за страшным рифовым кольцом, но все еще не видя за водными валами своей цели — белого парохода.

«Доплыву или не доплыву, но подвиг уже налицо, — думал Брюквин и фыркал в наветренную сторону. — Ноу коммент!»

Между прочим, он был не лишен самоиронии — ведь плыл-то все-таки он не за подвигом, а для того, чтобы помочь товарищам по

несчастью. Он плыл среди страшной стихии, этот скромный и смелый мальчик, и проявлял к себе саморонию, то качество, без которого ни один человек не может называть себя джентльменом.

Временно исполняющий обязанности капитана научно-экспедиционного судна академии наук «Алеша Попович» Олег Олегович Кошечкин стоял в рубке, глядя на пенные гребни волны застывшим взглядом и бермтал себе под нос:

«...Там Зевс, как бык, в бурюна пенных вод Уносит в сумрак нежную Европу...»

Каква была основательная. «Попович» шел малым ходом, таща за собой трал по гребню подводной коралловой гряды.

— Олег Олегович, — всунулся в рубку радист. — Капитан из Ленинграда запрашивает — вырвем уже трал или еще не вырвем?

— Ответай капитану, — сухо сказала Кошечкин. — Там Зевс, как бык, в бурюна пенных вод уносит в сумрак...

— Человек за бортом! — закричал, не веря своим глазам, рулевой.

— Олег Олегович, человек за бортом!

С большой зеленой волны скатывался, словно животом на санках, человек в оранжевом жилете.

— Алрал, — коротко сказал н. о. капитана и забил про стихи.

Признаться, Гена рассердился. С раннего детства он не уставал повторять, что ему «наплевать на бронзы многопудье», и вот на тебе — собственный памятник. Он даже похолодел слегка, вообразив реакцию Вертопраховых.

«Заберу его с собой и спрячу в ванной», — решил он и оглинулся. Все его спутники торжественной кильватерной колонной вливались в бухту. Гала верхом на Элле, Акси верхом на Ареге, Фил на Хиле, Эсп на Коубоне, Зит на Дилане. Чайка Виссария прикрывала караван с воздуха.

Вдруг какое-то мощное, как торпеды, тело описало стремительную окружность и затормозило рядом с Бинго Старом. Вскрикнув от радости, Гена соскочил в воду, чтобы заключить в объятия своего верного Чабби Чаккерса, отца этих шестерых красавцев.

— Привет, Генюк, — шумно зафыркал Чабби. Он всегда старался смущенным пофкиванием прикрыть переполняющие его добрую душу чувства. — Однако, Чабби, знаешь ли ты, что все наши улетели с острова Гена в неизвестном направлении? Я очень волнуясь.

— Чабби, дорогой, твои ребята явились как раз вовремя! Как я рад снова увидеть тебя и милый твоему сердцу Оук-Порт! — Гена не мог скрыть своих чувств. — Однако, Чабби, знаешь ли ты, что все наши улетели с острова Гена в неизвестном направлении? Я очень волнуясь.

— Не волнуясь, старина, — сказал Чабби Чаккерс. — Там все в ажуре. Всех до единого подобрал корабль науки «Алеша Попович». Сейчас сюда топают. Смотри, тебе здесь ждут.

По мраморной лестнице к морю с распростертыми объятиями бежала живописная толпа эмпирейцев, в которой Гена увидел мно-

жестово знакомых лиц — и Рикко Силу, и Пафнутти Кучче, и Токтомурана Джекчина, и Фррига, и Градуса и др., и др...

Грянул оркестр. Мокрый мальчик взлетел в воздух. Пафнутти Кучче залез на постамент и, держась могучей рукой за бронзового мальчика, закричал:

— Ура! К нам прибыл наш любимый Джинадо! Праздник, посвященный открытию национального музея, объявляю открытым! По просьбе трудящихся четыре выходных дня этой недели соединяются с тремя выходными днями будущей недели! Открыть все фонтаны! Любующаяся толпа подхватила и его, увеселительного премьера — качаты!

Качали долго. Гена и Пафнутти иногда встречались в воздухе и обменивались рукопожатиями. Гена изловчился и как-то раз на высшей точке подбросил премьера за шею и шепнул ему:

— Дорогой Пафнутти, распорядись прекратить качание наших тел! Мне необходимо немедленно связаться по телефону с Ленинградом.

Качание было приостановлено, и Гена вместе с премьером, похожим на пушечное ядро, румяным и энергичным, пустился бегом по площадям и переулкам столицы к телефонной станции.

— Увы, господин премьер-министр, — сказала со вздохом красавица телефонистка, — я вынуждена вас огорчить. Республика превысила свой лимит по телефонным разговорам в сто семидесят семь раз. После праздников телефонная станция конфискует государственный банк. Увы, господин премьер-министр. Увы, — ова пленительно улыбуался Геннадью, — увы и вам, наш юный кумир Джинадо Стратофудо.

Глава VIII,

в которой
идут в ход
мокрые деньги

Смешно сказать, но первое, что увидел Гена на набережной Оук-Порта, был его собственный памятник. Он помнил о пристрастии эмпирейцев к скульптурному искусству, о бесчисленных мраморных, бронзовых, чугунных и гранитных конях, львах, дельфинах, наядях, не говоря уже о величественном памятнике его собственному предку, но предположить, что островитяне успели за истекший год свалить памятник его собственной, еще не вполне сформировавшейся персоне он не мог.

И вот, подплывая верхом на Бинге Старе, первом сыне Чабби Чаккерса, к набережной волшебного Оук-Порта, он вдруг увидел свою собственную бронзовую фигуру. Поистине это был первый в мире памятник юному существу в расклеванных джинсах. Даже музыканты ансамбля «Битл» еще не удостоились такой чести.

— Мокрые деньги вас устроят? — спросил Геннадий и извлек из своих джинсов рубль, франк и несколько зурбаганских зуров.

— Подходяще! — повеселела красавица телефонистка и взялась за соединение с Ленинградом.

Дело это было нелегкое — весь мир пересчитывал свои деньги, и поэтому шум по всем каналам стоял страшный.

Геннадий тем временем рассказывал своему высокопоставленному другу всю историю «сундучка, в котором что-то стучит». — ...и вот ты понимаешь, Паф, письмо Питирима Куку-Ушкина находится сейчас в опасных руках Накамура-Бранчковской. От этой особы можно ждать всего. Я не удивлюсь, если она завтра же окажется в Ленинграде. Что такое дата Грюнвальдской битвы?

— Быть может, это шифр? — предположил премьер-министр. — Может быть, шифр какого-нибудь сейфа.

— Да-да, вполне возможно... — задумчиво проговорил Гена. — Питирим Куку-Ушкин мог специально для этого дела сконструировать какой-нибудь особенный сейф.

— Товарищ Стратофудо, поговорите с Ленинградом, — вдруг равнодушным голосом сказала телефонистка-красавица, как будто ей ничего не стоило пробраться сквозь хаос мировой валютной системы.

Гена бросился, схватил, заорал «алло-алло» и вдруг очень близко услышал спокойный мужской голос:

— Кандидат технических наук Рикшетников Николай Николаевич слушает вас.

— Николай, вы знаете дату Грюнвальдской битвы? — срывающимся голосом спросил Гена.

— Как всякий культурный человек, — сказал капитан Рикшетников. — Знаю. Одна тысяча четыреста десять.

Вечером Геннадий завтракал в кругу своих близких эмпирейских друзей в ресторане на крутом бастионе крепости Оук-Порта.

В связи с финансовыми трудностями республики на столе не было никаких деликатесов, только скромная местная пища: устрицы, лангусты, крабы, белая икра доисторической рыбы цалакант, эскарго, авокадо, грейпфруты, цитонеллы и лайм-тоник.

— Конечно, было бы удобно, если бы в сундучке оказались кое-какие материальные ценности, — сказал «лучший футболист вселенной» Рикко Силла. — Мы бы построили на них крупнейший футбольный стадион. Больше, чем «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Вся республика поместится и еще пригласим зурбаганцев.

— Да-да, стадион! — поддержал его пылко бывший президент и вратарь национальной команды, а ныне парикмахер Токтомуран Джечкин. — Только не такой уж большой. На-

до оставить средств для огромной, самой большой в мире парикмахерской. Чтобы весь мир ездил к нам стричься!

Гена вдруг заметил, что Рикко Силла по-мрачнел и посмотрел на Джечкина с несвойственной ему агрессивней.

— Стадион стадион, парикмахерская парикмахерской, а построить надо огромную телефонную станцию, — веско заметил премьер-министр.

— Никаких парикмахерских и никаких телефонов! — Рикко Силла брякнул по столу своим самым красивым в мире кулаком.

— Никаких стадионов и никаких телефонов! — выдал свои истинные намерения Токтомуран Джечкин. — Детский период истории кончился! Хватит играть, пора стричься!

— Никаких стадионов и никаких парикмахерских! — премьер-министр ладонями выбил дробь не хуже джазового барабанщика. — Нам нужна связь! Огромный телефон решит все проблемы!

Все трое мрачно посмотрели друг на друга. Ой, как Гене это не понравилось! Год назад такая сцена между тремя закадычными друзьями была бы немислима.

— Друзья, не соретесь! — сказал он им, умудрившись положить две свои руки сразу на три плеча. — Иной раз культурные ценности бывают гораздо важнее материальных.

Все трое посмотрели на Гену, и их взаимная неприязнь тут же рассеялась.

— Устами мальчика-героя подчас вещает истина, — произнесли они все трое старинную эмпирейскую народную поговорку и улыбнулись, и искорки из восьми дружеских глаз, не разделенных даже на пары, а соединенных в одно красивое загадочное созвездие, поднялись над ночным Оук-Портом, чтобы присоединиться к бесчисленным звездам мироздания, и на этом наша повесть закончилась, оставив место лишь для трех небольших эпилогов.

Каковы, однако, законы приключенческого жанра? Да и можно ли вообще называть их законами, если мы на одной стороне повести можем скакнуть с бастиона крепости Оук-Порта в камеру хранения Витебского вокзала, что на Загородном проспекте Ленинграда (следующая остановка «Технологический институт»)? Из такой невероятной романтики — сразу в обыкновенную прозу, на Витебский вокзал.

А ведь слово Витебск, между прочим, не такая уж и проза. Великий художник Марк Шагал, например, показал нам такой фантастический Витебск, что ни один писатель-приключенец за ним не угонится.

Ну, Впрочем, это к слову, мы и гнаться за Шагалом не собираемся. Мы входим в зал камеры хранения вслед за сутулым старичком-дачникком. Знаете, бывают такие старички-дачники в прорезиненных плащах, побелевших от старости по швам, в обихищих шляпках из рисовой соломы, с двумя-тремя саженцами в руке и с ведерочком черноты. Таких и наш старичок, эдакий отставной Буакин, приятель поэта Андрея Вознесенского.

Он направился в серые коридоры автоматических камер, смиренно поставил свое ведерочко на кафельный пол возле одной из них, засунул пальчик в вязаную перчатку в диск и тихо набрал дату Грюнвальдской битвы — тысяча четыреста десятый год. Дверь камеры открылась, и старичок достал оттуда сундучок. Извините, любезный читатель, за неуместную рифму.

Тут нервы старичка малость сдали, и он, воскликнув что-то на неизвестном языке, мягко опустился на пол, откуда и был поднят железной рукой капитана Рикошетникова. Рядом с Рикошетниковым находился его новый друг участковый уполномоченный милиции Бородин В. П.

«Вот ведь какая штука, — думал Бородин, — передо мной обыкновенный старичок, никакой не чуда, не фантазия. Ни малейших поплзновений к проверке не вызывает. А ведь не подошли бы, не проверили, и улетела бы птичка».

Капитан Рикошетников между тем деликатно и осторожно снял с лица «старичка» тончайший пластиковый грим и обнажил сатанински красивое лицо Накамура-Бранчковской.

— Браво, мадам! Ко всем вашим прочим талантам прибавился талант трансформации..

— Я протестую! — слабо сказала уставшая от борьбы за власть женщина. — Протестую против насилия над пенсионером.

— Пройдемте, товарищ, — мягко сказал Бородин. — Сорри, дорогой товарищ, сюжет не терпит задержек.

Он увел «пенсионера» в соответствующие глубины Витебского вокзала, а капитан Рикошетников с заветным сундучком под мышкой вышел на Загородный и кликнул такси.

Случилось так, что я как раз ехал мимо на своем «жигуленке» и, пользуясь правом старого знакомства, пригласил капитана Рикошетникова в свою машину.

— Вот, — сказал он, похлопывая по сундучку. — Скоро увидим, что там такое.

— Сегодня же и увидим, — сказал я. — Вас давно уже все ждут на улице Рубинштейна.

— Кто это все? — удивился капитан.

— Все герои нашей повести, начиная с Гены Стратофонта.

— Позвольте, но я только несколько часов назад говорил с ним по телефону. Он еще не мог прилететь с Больших Эмпиреев!

— Простите, но это небольшой авторский произвол, — смущенно сказал я. — Мы сейчас переедем с вами из первого эпизода во второй. Садитесь!

Под медной лампой, сделанной из кормового корабельного фонаря, всем нашлось место: и детям переходного возраста, и их сорокалетним родителям, и старшему поколению. Был здесь даже вновь обретший родину и вторую часть своей фамилии Герман Николаевич Фогель-Кукушкин, одетый во вполне приличную серую пару из магазина «Великан».

— Я волнуюсь, малютка, — шептал он Даше Вертопраховой.

Все немного волновались, несмотря на свои стальные нервы. Даже автор малость суетился. Итак, Гена вынул из-за пазухи свою заветную трубочку, сделанную из нежного отростка дерева «сульпы» и — подул!

Раздались эти странные звуки, уже дважды описанные в повести, и сундучок спокойно и непринужденно раскрылся. Древними пустынными временами дохнуло изнутри. Все смолкло.

— Гена, доставайте ценности. Это ваше право, — дрожа от волнения, сказал автор.

Ценности оказались культурными!!! Это было письмо прародителя Еона трем его сыновьям: Мису, Маку и Тефя, написанное на клочке древней кожи.

О сыновья благородные, милые дети!

К вам обращается Еон прародитель,
душою смущенный.

Пойман был нами сегодня в капкан

хитроумный

Мамонт ужасный, приплывший сюда издалека.
Дети родные, мы вместе сражались

с жестоким пришельцем,

Мы не дрожали пред пастью его,

что дышала вулканом.

Мис-весельчак,

ты всадил ему дротик под ребра!

Доблестный Мак

укурил его рык преотличнейшей глыбой!

Ловкий Тефя,

подобравшийся сзади, пришилили

Острым ножом его ухо к подножию сульпы.

Мне, смельчаки, вы оставили дело пустое —

Просто добыть исполнина любимой мотыгой.

Ныне победу великую

праздновать мы собрались...

Что ж я ловлю в ваших взглядах

раздора летучие тени?

Шкуру вы стали делить побежденного зверя.

Ввергла вас в ссору лихую простая дележка.

Мис пожелал себе сделать

из шкуры кафтанов,

Чтобы гулять, поражая вокруг

всех гагар и дюгоней.

Мак вознамерился сделать

из шкуры каное,

чтобы к сиренам на Фухе

добежать побыстрее.

Даже милейший Тефя разгорелся гордыней.

Хочет из шкуры он всей

понаделать игрушек,

С ними в дубравы уйти,

своих обезьян потешая.

Вижу я, Мис-весельчак,

как ты ищешь глазами свой дротик.

Доблестный Мак, ты уж взялся руками

за жуткую глыбу.

Ловкий Тефя, отпусти своих замыслов рой

из красивой головки на волю!

Дети, не ссорьтесь, не хмурьтесь

и шкуру делите по чести!

Дети, мы очень слабы

перед грозной игрою природы!

Если поссоритесь вы меж собою,

будете вдвое слабее.

Будущий мамонт, приплыв из косматых

пространств на любимый наш остров,

По одному вас пожрет без труда

и за милую душу.

Вот мой завет, прародителя Еона. Ребята!

Вместе сражайтесь и в мире делите

победную шкуру!

Если же схватитесь вы меж собою

в постыднейшей склоке,

Вам не видать ни сирен, ни макак,

ни дюгоней прелестных!

Мир и согласие! — зывают к вам звезды.

Мир и согласие! — вам волны гремят.

Мир и согласие! — это ваш воздух.

Мир и согласие между тремя!

Конечно, культурную ценность этого письма из глубины веков трудно было преувеличить. Никакие «атомные бриллианты», никакие самые невероятные материальные сокровища не стоят даже двух слов призыва к миру, а тут был целый монолог и чей — прародителя Еона!

За столом, среди персонажей, воцарилось ликование. Нет, не зря тонули в океане и подвигались смертельным опасностям — маленькому народу Больших Эмпиреев этот сундучок явно не повредит.

Ликование еще больше усилилось, когда узнали, что Питирим Филимонович вместе со своим ближайшим другом, продавщицей модного магазина Дорой Семеновной Клобс принесли к пиршеству целую огромную кастрюлю с первой порцией только что синтезированной и уже облагороженной смоллой «гумчванс» универсальной еды. Все персонажи весьма оживились, а особенно животные, среди которых был и ирландский сеттер Флайнг Ноуз, который не играл в нашей повести никакой роли, а только лишь иногда оживлял картину. Все получили по несколько кругляшков, все попробовали, и всем очень понравилось. Мало того, все нашли, что эта универсальная еда чрезвычайно напоминает какую-то вкусную обыкновенную еду. Тут Питирим Филимонович слегка заволовался. И помрачнел.

— Скажите, а сколько будет стоить ваш продукт? — поинтересовались некоторые из присутствующих.

— 20 копеек килограмм, — ответил Питирим. — Не дороже картошки.

— Эврика! — воскликнули тут дети. — Да ведь это же печеная картошка!

Взрослые смущенно переглянулись; дети были правы — синтезированная за сорок лет универсальная еда в точности напоминала очень вкусную, но обыкновенную печеную картошку. Дора Семеновна Клобс хлопотливо бросилась к Питириму Филимоновичу.

— Оставьте меня! — рявкнул тот. Он сидел неподвижно, белый как мел.

— Дружище Питирим! — обратился к нему Юрий Игнатьевич Четверкин от лица всех присутствующих, включая автора. — Ты сделал большое дело! В конце концов мир только выиграет от того, что в нем будет больше печеной картошки!

Улыбка старого авиатора была так просто-душна и заразительна, что и Питирим Филимонович невольно улыбнулся.

...Мы завершаем наш Второй эпилог маленьким эпизодом.

Он тихо открыл дверь и увидел Наташу, а перед ней самого себя в бронзовом варианте. Все полотенца были удалены и валялись на полу. Наташа что-то сердито говорила скульптуре, как будто отчитывая его самого, Гену Стратофонтону, предупреждала скульптуру

Ну, акула мясного бизнеса, ну, воротила фондовой биржи, но ведь оставили-то мы его

Гена неслышно прикрыл дверь, прошел по полутемному коридору, подпрыгнул к потолку и повис, ухватившись за крылышко маленького купидона. Там уже висел его сверстник, одноклассник и наперсник детских игр Валентин Брювин.

— Ноу комментс, — заключил Брюквин.

Акула же все забыл, ничего не помнит, никакого острова вокруг не осознает, весь день он бродит среди своих «реликтов памяти», плачет и смеется, вспоминая бандитскую юность и коммерческую зрелость, а вечерами просит привязать его к полюбившейся пальме, что охотно выполняют мирные служащие И.-М.-С. Пабст и Грумло.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания — 19-й

ФЛАГ

Молча стояли ребята около модели. Она была небольшой, около метра. Но все было видно на ней: поплавок тралов, где шлюпки, где ходовой мостик.

— Так вот, — дорогие ребята, — сказал Николай Васильевич, — БТЩ «Мина», если посмотреть, был небольшой юркий корабль — две пушки, один автомат 37 мм, два пулемета да личное оружие экипажа — вот и вся огневая мощь... Однако во многих боях участвовал тральщик и выходил победителем.

И всегда над кораблем развевался наш советский военно-морской флаг...

Однажды на тральщик налетели фашистские самолеты. Бесстрашно отбивались советские моряки-черноморцы. Но силы врага были велики, около тридцати самолетов пикировало на корабль. Тяжелая бомба попала в корму тральщика, и вода хлынула

ла в пробойны. Заклинило руль. Машины остановились. Запах дыма и гари поплыл над палубой. Стонали раненые. К одному из них, Яше Соколу, бросился моторист Тимофей Ставничук. Яша был ранен в живот и

флаг. Флага не было... Или его сбило взрывом, или срезало осколками.

Что значит, если на корабле нет флага? Значит, корабль сдается, спустил флаг... Не бывало еще такого ни в русском, ни в советском флоте...

Под пулями и бомбами взбирался Ставничук на прожекторный мостик. Только бы успеть... Только бы закрепить флаг. Еще мгновение — и флаг зависел над кораблем...

— А от самолетов тральщик отбил! — спросили ребята.

— Отбил, — сказал Николай Васильевич. — Машину моряки отремонтировали. Тральщик вернулся в порт. И если вы посмотрите на флаг, который на этой модели, — на нем изображение ордена Красного Знамени. Орденом тральщик был награжден за боевые действия. С тех пор он стал называться Краснознаменный тральщик «Мина».

Тимофей Ставничук
1944 г.

что-то шептал. Моторист с трудом различил слово «флаг...» Ставничук взглянул на мачту, туда, где под гафелем каждого корабля развевается

Поиск продолжается. В ближайших выпусках «Морской газеты» вы узнаете о новых страницах истории героического корабля, обо всем, что удалось найти следопытам отряда.

См. «Костер» № 12, 1974 г. №№ 2, 3, 1975 г.

*Поднимай
Море*

Я море только раз видал,
Но в памяти моей
Вдруг зашумит девятый вал
При виде кораблей,
При виде мачт, при виде труб
На фоне облаков,
При виде мужественных лиц
Бывалых моряков...

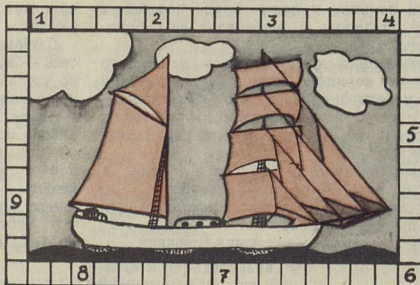
Сергея Герасимов,
14 лет, Ленинград

ЧАЙНВОРД „БРИГАНТИНА“

1. Парус на бушприте.
2. Ящик или ларь во внутренних помещениях корабля.
3. Кружок, надеваемый на флагшток мачты.
4. Нить, свитая из пеньки.
5. Бочонок для хранения пресной воды.
6. Струя воды, остающаяся за кормой идущего корабля.
7. Все деревянные или металлические

детали, служащие для постановки и несения парусов. 8. Все снасти на корабле, служащие для крепления мачт. 9. Короткая цепь для прикрепления якорной цепи к кильсону или дну якорь-цепного ящика.

Чайнворд составил Сергей Удовенко из Гомеля

ТЕЛЕГРАММА ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ ЗИП БОДАЙБИНСКИЙ РАЙОН ЗИП ПОСЕЛОК МАМАКАН ЗИП
МОРСКОЙ КЛУБ ЗОЛОТОЙ РОГ ТЧК ПОЗДРАВЛЯЮ ВСЕХ РЕБЯТ КЛУБА НАГРАЖДЕНИЕМ ЗА УСПЕХИ РАБОТЕ
ГРАМОТОЙ БОДАЙБИНСКОГО ГОРКОМА ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЛИ ТЧК
ЖЕЛАЮ ПОПУТНЫХ ВЕТРОВ ТЧК КОНТР-АДМИРАЛ СКОСЫРЕВ ТЧК

УДИВИТЕЛЬНЫЕ РЕБЯТА

Чем больше узнаешь о ребятах из клуба «Золотой Рог», тем больше хочется сказать: «Удивительно!» Вроде бы школа как школа, ребята как ребята. Но... За пять лет существования клуба экипаж его был участником девяти всесоюзных экспедиций, путешествий и турниров. Награжден двумя Почетными грамотами Военно-Морского Флота СССР, удостоен четырежды дипломами за активное участие в радиопутешествии по любимой Родине. Много раз поощрялся ценными призами и подарками...

Обитатели Большого Барьерного Рифа Австралии.
Экспонаты музея морского клуба „Золотой Рог“

Заочная экспедиция на Новую Гвинею

Дружат ребята с Героем Социалистического Труда Петром Андреевичем Зарвой, знаменитым китобоем. Он их шеф и наставник, он положил начало музею клуба, в котором есть такие экспонаты, — не в каждом морском музее найдешь...

Когда ребята побывали у своих друзей — владивостокских моряков, те написали им в путевой дневник: «Это удивительно, что вы в очень отдаленном сибирском краю, где зимой трещат страшные морозы, стали друзьями моря и приехали в гости во Владивосток... Желаем большого плавания, счастья и хороших пионерских дел!»

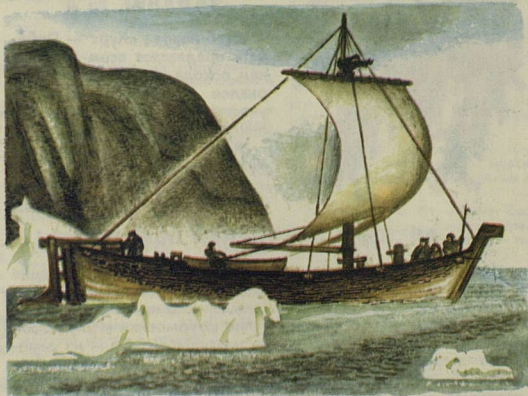
ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ПАРУСНИКОВ

КОЧ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА

Коч был корабликом ходким и поворотливым. Парус коча был прямой. Яйцеобразный корпус спасал коч в ледяных заторах: лед выжимал коч наверх, не раздавливая его. Небольшая осадка позволяла заходить в неглубокие устья рек. Когда морем плыть не было возможности, тянули кораблик волоком. Команду коча обычно составляли 10—15 человек.

В XVII веке проход между Азией и Америкой искали англичане, немцы, голландцы... Искала вся Европа: турки закрыли сухопутные дороги в Индию и Китай, а португальцы и испанцы — южные морские пути...

Открыл этот проход русский мореход Семен Дежнев. А плыл он на коче. 20 июня 1648 года Дежнев отплыл из Колымы на восток. 20 сентября обогнул сильно выдающийся мыс под 60°05' северной широты. Дежнев назвал его «Большим каменным носом». Теперь мы зовем его мысом Дежнева. Он и выходит в пролив между Азией и Америкой...

ПОХОД „КУРС — ПОБЕДА!“

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ПОХОДА

1. Основной удар наступавших фашистов принял на себя Центральный фронт. Командовал Центральным фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский.

2. Летчиком-истребителем, который героически сражался в небе над Курской дугой, был старший лейтенант коммунист Алексей Маресьев. Немногие знали тогда, что у Маресьева нет ступней ног... В первых же воздушных боях над Курской дугой Маресьев сбил три самолета.

Писатель Борис Полевой написал о Маресьеве «Повесть о настоящем человеке».

3. Первый салют в ознаменование побед Красной Армии и освобождения Орла и Белгорода был в Москве 3 августа 1943 года.

Отряд „Поиск“, Ленинград

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ

После сражения на Курской дуге Красная Армия перешла в общее стратегическое наступление. Наши войска освободили левобережную Украину, вышвырнули оккупантов из Киева, овладели плацдармами в Крыму... Начинались бои в Белоруссии...

Ставка Верховного Главнокомандования, планируя операции по освобождению от оккупантов всей советской земли, решила в начале 1944 года организовать наступление под Ленинградом и Новгородом.

В ночь на 14 января орудия кораблей Краснознаменного Балтийского флота и Второй ударной армии обрушили на фашистов тысячи снарядов.

А 15 января еще с большей силой ударили по противнику орудия Краснознаменного Балтийского флота и 42-й армии.

В бой пошла пехота и танки... В январе 1944 года Ленинград был освобожден от вражеской блокады. Советские дивизии двигались на запад, к границам фашистской Германии...

ЗАДАНИЕ № 4

Штаб похода «Курс — Победа!» предлагает всем участникам похода начать поиск материалов о воинах-ветеранах, участниках наступления под Ленинградом и Новгородом.

Ждем ваших сообщений.
Командующий походом
„Курс — Победа!“
генерал-майор артиллерии
И. Кныш

ВОЕННАЯ ВИКТОРИНА ПОХОДА

1. В обороне Ленинграда участвовали и орудия, временно снятые с крейсера «Аврора». Где стояли эти орудия? Кто командовал батареей орудий с легендарного крейсера?

2. 17 января 1944 года советские штурмовики «ИЛ-2» бомбили вражеские войска в районе наступления. Один из самолетов загорелся. Летчик направил горящий штурмовик на скопление гитлеровцев и военной техники... Фашисты дорого заплатили за смерть летчиков-героев. Кто был командиром штурмовика? Кто был стрелком-радистом? Где именно был совершен этот подвиг?

ОТ ПОХОДНОГО ИНФОРМБЮРО

Три письма с Ленинградского фронта были напечатаны в «Костере» № 2. Читатели журнала спрашивают в письмах: «А что стало дальше с Алексеем Прядехиным? Остался ли он жив? Где он сейчас?»

Вот что пишут о знаменитом снайпере пионеры ленинградской школы № 274:

«Алексей Борисович Прядехин остался жив. Он воевал всю войну и дошел до самого Берлина, до рейхстага.

Мы разыскивали Алексея Борисовича, когда создавали наш школьный музей Армии Народного ополчения: ведь Прядехин был сначала бойцом ополчения. Алексей Борисович помогал нам делать многие стенды нашего музея. Мы сохраняем документы и личные вещи снайпера. Он часто бывает у нас в гостях.

Дружит Алексей Борисович

с пионерами. Он почетный пионер дружин школ Одессы и Сочи.

Недавно Алексей Прядехин побывал в гостях у пионеротельманцев в ГДР, в городе Нейбранденбурге. Тельманцы

повязали Алексею Борисовичу галстук и приняли в почетные пионеры. Они вручили ему сделанную на уроках труда копию медали, посвященной 25-летию Общества германо-советской дружбы».

Приехали гости из Одессы

Алексей Прядехин с пионерами ленинградской школы № 274

С пионерами-тельманцами

ИТОГИ ИГРЫ

„Экспедиция вокруг света“

В 1974 году «Костер» проводил пионерскую морскую игру «Экспедиция вокруг света».

За деятельное участие в игре, за правильные ответы, за смекалку, знания и упорство в достижении цели штаб «Экспедиции вокруг света» награждает девять экипажей-победителей памятными и ценными подарками:

1. ЭКИПАЖ № 834 (Иркутская область, пос. Мамакан, морской клуб «Золотой Рог»), капитан Сергей Овсянник — мореходным инструментом и фотоаппаратом «Смена».

2. ЭКИПАЖ № 247, капитан Сергей Дмитриев (г. Тольятти) — мореходным инструментом и набором столовых приборов.

3. Экипаж № 709, капитан Вадим Парфенов (Ленинград) — мореходным инструментом, морской картой и лодией.

4. Экипаж № 456, капитан Лия Лу-

ценко (Пермь) — гидрометеорологическим прибором, морской картой и лодией.

5. Экипаж № 373, капитан Алеша Михайлов (Макевка) — гидрометеорологическим прибором, морской картой и лодией.

6. Экипаж № 793, капитан Раис Аджитов (Фрунзе) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

7. Экипаж № 459, капитан Андрей Волошин (Ленинград) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

8. Экипаж № 476, капитан Олег Бекбулатов (Ярославль) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

9. Экипаж № 41, капитан Жена Базин (Новосибирск) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

Штаб экспедиции награждает за деятельное участие в игре и за по-

мощь в создании морской библиотеки в селе Рязановка шесть экипажей:

1. ЭКИПАЖ № 203, капитан Коля Шевухов (г. Новомишуринск) — морской картой, лодией и книгой «Клуб знаменитых капитанов».

2. ЭКИПАЖ № 148, капитан Гриша Коротков (г. Чаплыгин) — морской картой, лодией и книгой «Клуб знаменитых капитанов».

3. ЭКИПАЖ № 190, капитан Валерий Мироничев (г. Пермь) — морской картой, лодией и книгой «Алые паруса».

4. ЭКИПАЖ № 249, капитан Миша Сапожников (Воронеж) — морской картой, лодией и книгой «Алые паруса».

5. ЭКИПАЖ № 211, капитан Сережа Сафонов (пос. Покровск-Уральский Свердловской области) — морской картой и лодией.

6. ЭКИПАЖ № 173, капитан Павлик Чулихин (с. Круглолесское) — морской картой и лодией.

Штаб «Экспедиции вокруг света» поздравляет всех участников с завершением пионерского кругосветного плавания.

До новых походов!

Итоги конкурса моделей будут напечатаны в «Костере» № 6.

МУЖЧИНЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Жанна Браун,
Олег Грудинин

Рисунки А. Слепкова

Это был самый неудачный день из всех 4392 дней, прожитых Мишкой. Выпадали, конечно, и раньше на Мишкину долю дни невеселые, бывали и просто никудышные, но ТАКОГО еще не случилось.

На рассвете Мишку затормошил Славка. Принялся дергать за ноги, хлопать по щекам, словом, вытворял с Мишкой все, что может безнаказанно вытворять старший брат. И при этом еще орал на всю квартиру:

— Эй, горе-конструктор, па-а-адъем! Шторм в гавани!

Сон, голубой, летящий, рассыпался на осколки. В каждом осколке мгновенная, как в кино, картина... Мишка одеяло натянул на голову, мечтая в темноте высмотреть остатки волшебного сна. Сказал первое, что пришло в голову:

— Живот болит.

— Бабушка! — так радостно завопил Славка, точно Мишка преподнес ему замечательный подарок. — Вызывай немедленно «скорую»! На Мишку просвещение вредно действует: вчера у него голова болела, позавчера нога...

— А сегодня живот, — упрямо пробубнил Мишка под одеялом, все еще надеясь, что брат отвяжется и займется наконец своими делами.

Куда там!

— Считаю до пяти, братишка, а потом устрою тебе холодный душ!

Мишка сел, отбросил одеяло.

Брат возвышался над ним. Длинноногий, загорелый, широкоплечий, слегка пританцовывая, он, ухмыляясь, играл мускулами, будто боксер перед боем.

Мишка почувствовал, что губы его сами, против желания, растягиваются в восхищенную улыбку. Еще ни разу не случилось ему рассердиться на брата по-настоящему.

— Шевелись, братишка, я не собираюсь из-за тебя опаздывать! ПТУ ждет меня!..

Мишка перестал улыбаться. У других ребят старшие братья учатся в институтах, а у него... в ПЭТУ! Неужели его брат хуже других? С этим Мишка никак не мог примириться и считал виноватым во всем Федора. Мишка был твердо уверен, что если бы не Федор, этот

Славкин друг, учился бы сейчас братишка в школе, как все нормальные люди.

В комнату, причесывая длинные черные волосы, вошла бабушка. Лицо без морщин, волосы поседели только на висках и немного надо лбом. Вот только колени не сгибались после ревматизма, схваченного в войну на Сивявских болотах, и бабушка ходила, не отрывая ног от пола: ш-шарк! ш-шарк!..

Бабушка встала возле двери, погрозила круглой черепаховой гребенкой и спросила басом:

— Что случилось, братья-разбойники?

— Распад личности, — весело сказал Славка, дергая Мишку за ухо.

— А что, уж и животу заболеть нельзя? — печально спросил Мишка. — У Ахиллеса, между прочим, пятка болела, и то ничего...

— О господи, — сказала бабушка, — дети с эрудичней хуже землетрясения.

Славка захохотал во все горло и выволок Мишку из кресла-кровати.

— На зарядочку, эрудит, — ласково приговаривал Славка, подбадривая брата шлепками, — будешь делать вместе со мной, делать, как я, делать лучше меня! Моя ближайшая задача — сделать даже из тебя человека. Усвоил? И запомни: с сегодняшнего дня я сам займусь твоим воспитанием. Ишь, какой живот нажевал! Ба, включая музыку!

Бабушка скрепила волосы на затылке гребенкой и включила в сеть приемник с цветомузыкой. В комнату ворвался странный шум, точно внутри радиоприемника зашипела вода; раздался треск, как при электросварке, и хрипящая воющая музыка. Бабушка покрутила ручку, шум и треск усилились, а музыка перешла на космические ноты.

— Что это? — удивленно спросил Славка.

— Наверно, лампа перегорела, — сказал Мишка.

Славка приподнял приемник, нижняя панель отвалилась и какая-то деталь скатилась на пол.

— Лампа, говоришь? — переспросил Славка.

Зазвонил никому не нужный будильник.

Одновременно с ним звякнул медный колокольчик в прихожей.

Славка побежал открывать. Мишка отвернулся и стал смотреть в окно.

За окном дымили заводские трубы. Днем и ночью, будто старинные сторожевые корабли. Справа четырехтрубный крейсер — завод «Вулкан», слева перечеркивала горизонт громадная труба фабрики «Красное знамя», а дальше ныряли в облака...

— Мишка, ты оглох?

Славка рывком повернул брата к себе и подтолкнул к Федору. Тот приподнял радиоприемник и что-то разглядывал снизу. Лицо у Федора было таким ласковым, будто он чесал за ушами любимую собаку. Таким ласковым лицо у него бывает только в те минуты, когда он возится с каким-нибудь раненым механизмом.

— Видал шимпанзе? — спросил Славка и щелкнул Мишку по затылку.

Федор бережно поставил радиоприемник и посмотрел на Мишку так, словно перед ним и в самом деле была обезьяна.

— Лижон... машину убил. Зачем?

— Просто так... посмотреть хотел.

— А куда все винты и шурупы подевал?

— Мне для танка надо было... трак привинтить.

Славка озлился.

— Вот я сейчас как тракну по твоей глупой башке.

Мишка набрал в легкие воздуха и закричал: — Сам будто ничего не ломал?! Тоже нашелся умный!

Славка взглянул на него круглыми глазами.

— Видали? Эта шимпанзе уже чувствует себя обиженной.

Он дернул со стула брюки и стал прыгать на одной ноге, стараясь попасть в штанину.

— Михаил, — сказала бабушка, — я надеюсь, что у тебя есть совесть...

— Когда совесть раздавали, его дома не было, — пробурчал Славка.

Он надел наконец брюки и теперь торопливо завязывал перед зеркалом галстук.

— Еще не хватало из-за тебя в училище опоздать. Ломал... Конечно, ломал до десяти лет, а после уж ремонтировал! А ты? В пятом классе...

— Между прочим, в шестом!

— Тем хуже!

— Руки у тебя, Мишка, плохие, — хмуро сказал Федор.

У Мишки взмокли глаза. И не потому, что он чувствовал себя виноватым. Напротив, ему стало до слез обидно, что его не хотят понять. Танк! Надо было срочно закончить танк. Не для себя, для школы! Да разве все это объяснишь? Они же и слушать не станут.

— А Туполев, между прочим, рояль сломал. Ему струны для планера нужны были, — сказал он и осекся...

Он устался на приемник. Отец! Вот оно... Об отце тогда он тоже не думал. Славкины слова будто вернули отца из командировки,

где он четыре месяца строил завод вместе с мамой и другими инженерами, и поставили возле искалеченного радиоприемника. Шикарного радиоприемника с цветомузыкой. Да, отец собрал его по собственной схеме и закончил перед самым отъездом...

До сих пор Мишка не связывал вещи с людьми. Что между ними общего? Люди жили сами по себе, а вещи... Вещь всегда можно купить новую, и все. Сломал — и купил. Еще раз сломал и еще раз купил. Тем более что бабушка всегда говорит: нельзя быть рабами вещей. Мы не рабы, рабы не мы... А если Славка и в самом деле ломает танк, что тогда? Где продаются такие танки, чтобы после них болели пальцы, а сердце сжималось от радости? Или радиоприемники? Вот такие шикарные радиоприемники с цветомузыкой...

Что делать? Надо немедленно что-то придумать...

— Михаил, опоздаешь в школу, — напомнила бабушка.

* * *

...Они дружили с первого класса, и многие не понимали, что их держит друг возле друга. Острый на язык непоседливый Славка горячо хватался за любое новое дело и так же быстро терял к нему интерес. Учился Славка легко и никогда особенно не утруждал себя уроками, хватая на лету объяснения учителей. Федор занимался упорно и последовательно.

В третьем классе друзья увлеклись плаванием, но через некоторое время Славкино сердце полонил теннис, и два года он усердно работал ракеткой на стадионе «Динамо».

После международных состязаний по боксу, проходивших в Ленинграде, Славка так же легко, как и плавание, забросил ракетку и приобрел кожаные перчатки и грушу.

А Федор в это время участвовал в городских соревнованиях и получил первый юношеский разряд по плаванию.

Марина Павловна, поднаторевшая в спорте за время скитаний внука по секциям, стала заядлой болельщицей хоккея, но, к ее огорчению, клюшка не привлекала внука.

— Ты разбрасываешься, Владислав. Посмотри на Федора...

— Не сердись, ба, одно и то же скоро приедается. Хочется чего-нибудь поинтереснее...

В шестом классе на уроке труда учитель предложил ребятам принять участие в межрайонной технической выставке. Славка загорелся мгновенно, уговорил Федора, и несколько дней они сосредоточенно чертили, рисовали, раскрашивали, создавая на бумаге эскиз макета электростанции. Эскиз был вывешен в классе, но на середине работы Славка внезапно увлекся построением планера невиданной конструкции. Федор молча довел работу до конца, претворив в жизнь Славкины придумки. Работа учеников шестого класса Владислава Дмитриева и Федора Кузнецова

заняла первое место по оригинальности замысла и чистоте исполнения.

— Другой бы радовался, а мне что-то грустно, — сказала по этому поводу бабушка, придя с выставки.

Славка обиделся.

— Ты всегда придираешься. Я начал, Федор закончил...

В комнате Федора стояла узкая деревянная кровать и маленький письменный стол, заваленный книгами, учебниками, научно-популярными журналами. Всю противоположную стену от окна до двери занимал широкий верстак из толстых неструганых досок. А над верстаком до самого потолка поднимался стеллаж с аккуратными гнездами для инструмента.

Соседки по дому наперебой звали Федора к себе исправить замок, починить утюг, привинтить колесо к детской коляске. Федор с удовольствием копался в поломках.

Но однажды Федор во время ужина положил на стол металлический рубль. Мать Федора, Анисья Савельевна, взяла рубль и, недоумевая, приподняла бровь.

— Соседке с черного хода, Татьяне Григорьевне, торшер починил... — пояснил Федор.

Анисья Савельевна положила рубль на середину стола, переоделась, налила в таз воды и перестирала все до одной рубашки сына.

Утром, собираясь в школу, Федор вышел на кухню в одной майке.

— Mam, скорее. Опаздываю.

Анисья Савельевна не спеша догладила рубашку, сложила ее и протянула к сыну руку ладонью вверх.

— Плати за стирку.

— Как, плати?

— Просто. Я сделала для тебя то, что ты не умеешь сам. Плати за работу.

— Mam... она же сама дала, — в отчаянии прошептал Федор.

— Еще бы! — мать положила рубашку перед Федором и ушла на работу.

Федор надел рубашку, взял рубль и отправился к Татьяне Григорьевне.

Славка любил бывать у Федора. Анисья Савельевна сидела дома редко, после работы занималась общественными нагрузками, и все хозяйственные заботы лежали на плечах сына. Славка охотно помогал другу: бегал в магазин, чистил картошку.

Вечерами, освободившись от уроков и домашних дел, друзья, по выражению Марины Павловны, устраивали «кейф». Федор обычно сидел у верстака и что-нибудь мастерил, а Славка возлезал на кровати, закинув ноги на спинку, читал вслух отрывки из полюбившейся книги, спорил с автором или фантазировал, каким станет мир через пятьсот лет.

— Я убежден, — серьезно говорил Славка, — все, что происходило или происходит на земле, обязательно оставляет следы... Ну, в ви-

де рассеянной информации. Представляешь, через сто или через пятьсот лет ученые изобретут такой приемник, вроде счетно-логической машины, с ячейками памяти и временными щупами. Зададут в школе, например, Троянскую войну, ученик нажмет нужную клавишу, и приемник, собрав рассеянную информацию того времени, как по телику, покажет, что и как было на самом деле.

— Точно, — согласился Федор, — а еще лучше электронная гадалка.

— Это зачем?

— Узнать, что ты собираешься делать через два года...

* * *

После восьмого класса Федор решил, что они должны пойти в ПТУ. В Федоре это решение зрело давно, с тех пор, как они впервые пришли с экскурсией на завод. Пока учитель бегал по цеху и искал начальника смены, ребята ждали возле конторки. Рядом остановились двое рабочих, и один из них, седой, с темным сухим лицом, спросил у другого:

— Видал нового мастера? Теоретик... Ни поставить, ни заточить резца не умеет. С утра привезли детали на плоскостную обработку, а мастер в справочники полез: на какие станки давать... Курам на смех, честное слово! А тут наш Митька-пэтэушник случился: «Товарищ мастер, — пищит, — такие детали на фрезерных обрабатывают». Без справочника разобрался... Не-ет, пока инженера наши не будут иметь рабочую специальность, толку от них мало.

Славка, не очень задумываясь, согласился последовать примеру Федора. Предстояло новое дело и, кто знает, может быть, это новое окажется интересным. О том случайно услышанном разговоре и думать забыл, а Федор помнил! И даже перед бабушкой опять же Федор за него хлопотал...

В тот день, когда друзья явились сообщить Марине Павловне о своем решении, она, напевая, мыла яблоки, собираясь к Мишке в пионерлагерь. Было тихо, и пахло сладкой ванилью от домашнего наполеона, еще теплого, еще не разрезанного на куски. Наполеон — любимое Мишкино пирожное, лежал на старинной плите. Сколько ни уговаривали бабушку, она не соглашалась убрать плиту, хотя без нее кухня стала бы намного просторнее. На этой плите готовила еще бабушка Марины Павловны, одна из первых слушательниц Бестужевских курсов. От этой детали прапрабабушки в семье остался только портрет Бестужева-Рюмина с дарственной надписью. Бабушка называла портрет торжественно — даягерротипом.

Услышав про ПТУ, Марина Павловна расстроилась не на шутку, тяжело заходила по комнате, сложив на груди полные руки с завернутыми до локтей широкими рукавами вязаной

коричневой кофты. Черные волосы выбились из калачика, закрепленного на затылке.

— Я еще понимаю Федора, у него золотые руки, но Владислав... Что ты будешь делать в этом ПТУ? Ты же романтик до мозга костей!

Федор сидел на подлокотнике старинного вольтеровского кресла, в котором почти утонул Славка, и с мрачным видом слушал Марину Павловну.

— Владиславу нужно кончать нормальную десятилетку, — продолжала она, нервно прикуривая погасшую папиросу, — а потом поступать в институт.

— В какой? — хмуро спросил Федор.

— Действительно, в какой? — улыбаясь, подхватил Славка так, словно речь шла не о нем.

Бабушка остановилась напротив.

— Господи, Владислав, — вдруг тихо проговорила она, — неужели я проморгала тебя?!

Славка открыл было рот, но Федор жестом остановил его и быстро сказал:

— Утрясется, Марина Павловна. Десятилетка будет, и дело настоящее в руках.

— А там — хоть в институт, хоть прямо в академики! — подхватил Славка. — Учите меня на академика, я хороший!

Федор насмешливо посмотрел на него.

— Еще один мыльный пузырь в нейлоновой сорочке появится. Много их таких институты выпускают... а потом рабочие смеются: станки по бумажке, а не по делу знают.

Федор еще никогда не был таким многословным. Даже на Марину Павловну это произвело впечатление. Славка тревожно смотрел на страдальческое выражение бабушкиного лица. Неужели станет противиться? Если так — то все! Пишите письма и произнесите речи: «Спи спокойно, дорогой товарищ...»

Бабушка перестала ходить.

— Так ты говоришь, что в этом, как его... ПЭТЭУ, десятилетка? — спросила она, подчеркнуто обращаясь к Федору.

Федор кивнул.

Марина Павловна помолчала. Славка понимал причину ее главных мучений. Ей хотелось бы оттянуть решение до приезда Славкиных родителей. Оттянуть, не взваливать тяжесть ответственности на свои плечи. Если бы она знала, что Славка и сам еще колеблется, и желание поступить в ПТУ возрастает только с ее возражениями и, главное, привлекает его не дело, а перемена в жизни! Но по лицу Славки она ничего не смогла понять и сказала:

— Ладно. В конце концов, работа мужчин не портит.

Звонящий стук молотков переполнял мастерскую. Казалось, что под напором железного мощного лязга прогибаются в окнах тонкие стекла.

На первых уроках практики к концу занятий у Славки начинало ломить виски. Ему казалось, что он никогда не привыкнет к шуму. Но прошло время, и звон металла начал ему даже нравиться. Было в нем что-то утверждающее, истинно мужское. Наверное, это у мужчин в крови от тех далеких доисторических времен, когда первый человек взял в свои волосатые руки первый каменный молот, и его грохот как бы возвестил галактикам рождение цивилизации.

Кроме того, Славка уже и сам почти научился работать молотком. И это было для него открытием, равным по силе изобретению синхрофазотрона.

Теперь ему даже стыдно вспомнить, как весело хохотали парни, когда мастер Николай Митрофанович серьезно сказал, что работа молотком — это целая наука и за один, даже за несколько раз ею не овладеешь.

С тех пор прошел месяц, и Славка понял, каким он был простофилей. Да и откуда он мог знать, что держать молоток нужно почти за самый конец, иначе удары будут слабыми. Что существуют кистевые удары, когда пальцы не разжимаются — эти удары вырабатывают меткость. Что есть другие кистевые удары, когда при замахе разжимаются три пальца: мизинец, безымянный и средний. При такой работе рука меньше устаёт.

Кроме того, есть еще и локтевые удары. Здесь своя задача: замах должен следовать сразу за ударом и тогда используется сила отдачи молотка, но если не отработать распрямление кисти — удар получится неполным и потратишь лишние силы... А при рубке металла зубилом, как сейчас, использую полный плечевой удар.

Один, два, три гвоздя можно забить в стену, не думая об этих премудростях, а если отмахивать молотком рабочий день — поневоле начнешь соображать. Да что говорить, если даже такому, казалось бы, пустяку — правильно

стоять у тисков — нужно было учиться, хотя у большинства парней дома есть тиски...

— Дмитриев!

Славка задержал удар и оглянулся. За его спиной стоял мастер. Синий халат — как на вешалке. Белый крахмальный воротничок обхватил кройчиком тонкую жилистую шею. Может, из-за этого у мастера такой густой рыкающий бас, даже когда шепотом говорит — за километр слышно.

— Расскажи-ка мне, умелец, куда ты должен смотреть, когда рубишь?

Слово «умелец» в устах мастера имело много оттенков. Сейчас оно прозвучало иронически.

— Нужно сосредоточить все внимание на острие зубила и срубаемой стружке, — бойко проговорил Славка.

Что-то, а по спецтехнологии у него одни пертерки!

Николай Митрофанович одобрительно кивнул. Снежные густые волосы с желтизной двумя изогнутыми крылами свесились ему на лоб.

— Отменно. А ты куда смотрел?

Славка улыбнулся еще шире.

— На головку зубила. Так ведь, Николай Митрофанович, постепенно изживаю штатские привычки не туда смотреть!

Мастер едва приметно усмехнулся. Глазами. Сухой прямой рот остался неподвижным.

— Не мешало бы поторопиться, умелец.

Теперь слово «умелец» звучало директивно. Мотай на будущие усы, мальчик, старик повторять не любит. Он стоял за спиной Славки, наблюдая, как он рубит.

И Славка старался. Ему хотелось показать Николаю Митрофановичу, что не только боги горшки обжигают, но и он, Дмитриев, тоже кое-что умеет. Стружка снималась с заготовки легко, как корка с хлеба. С каждым ударом он рубил все быстрее и быстрее, мысленно любуясь собой.

— Дмитриев, спокойнее, — пробасил за спиной мастер, — и полегче, полегче, не частей.

Человек, можно сказать, только в азарт вошел...

— Ну, вот, опять не так, — в сердцах сказал Славка, — начал работать в полную силу, а вы...

Мастер согласно покивал.

— Оно, конечно, умелец. Только слесарем работать — не штанги на сцене рвать. Здесь, милый, голова нужна, а не мускулы.

И пошел к Толику.

— Дорда, где ты был, когда я учил, как ставить зубило?

У Толика от волнения повисла на кончике носа светлая капля. Он поспешно вытер нос и потное лицо рукавом халата и в смятении уставился на мастера круглыми зелеными глазами.

— Здесь...

— И на том спасибо. Ну, и как успехи?

— Почему-то стружка плохо рубается. Может, зубило негодное?

ЗА ХЛЕБ

Борис Алмазов

Рисунок А. Аземши

— Давай-ка поработай, а я посмотрю.

Толик установил зубило вертикально и изо всех сил ударил по бойку. Зубило резко отскочило в сторону, оставив на куске листовой стали, зажато в тисках, зазубрину. Толик ударил еще раз, снова зубило ушло не назад, как полагается, а в сторону, и снова на заготовке осталась только зазубрина.

— Видали? — обиженно спросил Дорда, щелкнув по зубилу ногтем.

— Я-то видал, — спокойно сказал мастер, — а теперь ты посмотри.

Он взял левой рукой зубило, поставил его на заготовку не вертикально, как это делал Толик, а под углом и... стружка пошла.

— Надо же, — огорченно сказал Толик, — а я-то все думал: зубило плохое... Испорченный я человек!

Николай Митрофанович прошел через всю мастерскую к деревянному помосту у входа, где стояли демонстрационные тиски и его рабочий стол. Поднялся на помост, поднял руку и скомандовал:

— Внимание, умельцы!

Беспорядочный грохот двух с половиной десятков молотков оборвался. Парни в одинаковых синих беретах и черных халатах выжидающе смотрели на мастера.

— Некоторые из вас, забывая правила рубки, увлекаются и ускоряют ритм.

«Это он обо мне, — подумал Славка, — ну и характер... ничего не спустит...»

— А в результате, как я уже не раз объяснял, может выработаться неверный удар. Поработаем под счет. Правый и средний ряды бьют по команде «раз!», левый — по команде «два!». Примите исходное положение: молоток на головку зубила... Начали: и-и раз!

Правый и средний ряды ударили по зубилам. Левый ряд поднял молотки.

— Два!

Грохнули молотки в левом, правый и средний ряды в ту же секунду замахнулись.

— Р-раз!

Теперь грохнули молотки в правом и среднем...

— Р-раз — два! Р-раз — два!

Мастерская словно раскачивалась: тут-там! тут-там!

Славка уже не смотрел по сторонам. Железный ритм работы подхватил и не выпускал, не позволяя даже в мыслях отойти в сторону. Оказывается, одно дело рубить одному и совсем другое, когда рубишь, как в строю. Славка представил себе, как все это выглядело со стороны, и почувствовал гордость. Три ряда богатырей! Единый замах, единый удар! Здорово! Откуда-то из глубины памяти выплыли стихи:

В могу-чих че-люстях тисков
Желе-зо твер-доло-бое.
Париш-ка, что из но-вичков,
На нем харак-тер про-бует...

Мастер давно молчал. Молотки сами вели счет. Р-раз — два! Р-раз — два!

Когда пуля попала в бутылку с горючей смесью и на бойце вспыхнула одежда, он не стал сбивать пламя, а бросился к фашистскому танку, прижался к броне и сгорел вместе с вражеской машиной. Седой человек рассказывал ребятам о подвиге однополчанина, и в классе было так тихо, что даже на последней парте, где я сидел, было слышно, как позванивают медали у него на груди. У ребят были такие лица, словно это они стоят на смерть, закрывают врагу дорогу к Волге, словно это они там, на переднем крае обороны, в ту лихую годину.

А в самом углу у крайней парты валялся кусок хлеба. Почему-то я не мог оторвать от него глаз. Небольшой кусок, ломтик, надкусанный с краю.

Прозвенел звонок, ребята окружили ветерана, а кусок хлеба все лежал. Может быть, его не заметили? В перемену дежурные вывели хлеб в коридор.

Я вспомнил этот кусок хлеба, когда шел в деревню Московитино, что на Верхней Волге в Калининской области. Добираться до нее пришлось долго: сначала поездом, потом теплоходом, машиной, а уж до самой деревни ничего не ходит — дороги нет, пришлось пешком, через поля и болота.

Усталый комбайнер возился у косилки.

— Лафет забивает! — повернул он ко мне измученное лицо. — Вишь ты, сырая рожь — в приемник забьется и шабаш, через двести метров останавливаюсь. Дожди и дожди, как прохулилось...

— Может, пообжарить, может, ветром подсушит? — посоветовал я.

— Сам-то городской? — спросил комбайнер. — Колос через день-два сыпаться начнет. Пообжарить! Пообжарь — без хлеба будешь. А тут рожь хорошая, по двадцать центнеров с гектара берем местами! — он сказал это с гордостью. А на Украине, на Дону — по сорок пять центнеров пшеницы с гектара никого не увидишь.

Только во время войны не

было у нас украинского хлеба, а на Дону пахали и засевали землю снарядами. Вот этот тощий архангельский, вологодский, тверской хлебушко, пополам с мякиной, а то и с корой лежал в вещмешках советских солдат, что бились на Волге, на Курской дуге и здесь, совсем рядом, под Москвой. Я помню солдатский хлеб, те четверста граммов, что были положены бойцу на день, и которые они отдавали нам, потому что мы, дети войны, все время хотели есть.

Трудно дается хлеб на черноземной земле. Поля маленькие — семь, пять, а то и два-три гектара. Все болота, да кусты, да перелески...

— А где тут у вас мальчик погиб?

— Воронов-то, Гена? — комбайнер выпрямился. — Вон в ячмене. Вон, где столбы. В прошлом году, помнишь, какая сушь была? Леса так и горели! Сказывают, в Москве дым по улицам стелился. При такой сухоте легко ли огня не заронить... Окурки, костер там или искра от машины — и пойдет! Мы все детишкам показывали, чтобы поглядывали...

— И все-таки недогадлики?

— Так ведь кабы от огня загорелось, а то от провода. Провод электрический упал. Может, пересох. От него и пошло.

Воронов Гена как увидел, кинулся гасить, а оно уж полыхает!

— Что ж он никого из взрослых не позвал?

— „Позвал“. Тут пока докричишься, все поле приметется и лес пойдет, а там и деревню прихватит. А чем гасить? Один в поле, ни воды, ни лопаты. Рубахой стал замахивать, догадался. И уж все погасил, да ступил на провод, ну и, конечно, насмерть. Шесть тыщ вольт... — комбайнер снова принялся за остервенением вытаскивать из приемника пучки мокрой жеваной соломы. — Жаль мальчонку — спасу нет. Хороший был парнишка, тринадцать годов.

Откуда берется способность к самопожертвованию? Откуда берется сноровка? Смог бы я, взрослый человек, вот так ки-

нуться спасать урожай? Почему, попадая в одинаковые обстоятельства, сталкиваясь с бедой, одни становятся героями, а другие нет?

Тропинка то спускалась к болоту, и приходилось вброд переходить холодные промоины, то поднималась на пригорки, и тогда за ржаными и ячменными полями виднелся лес. И ни одного человека! Кругом было так пустынно, что казалось никого, кроме огромных бескрылых кузнечиков, в этих краях и нет.

Но ведь это поля! Столетиями превращал крестьянин эту землю в пашню. Сначала вырубил гниль, отвел воду, выкорчевал пни, сжег корчевье, разгреб камни, поднял целину, вспахал под посев, засеял, забороновал, и стала земля жить... Без человека была бы это болотная пустыня и все...

За лугом, где ходили стреноженные кони, показалась деревня, словно зеленые облака, скрывали дома огромные ивы.

— Здравствуйте, — навстречу мне из-за поворота вышла старушка с кошелкой. — Не знаете, в Печетово в магазин хлеб привезли? Сами к Вороновым? Сродственник будете? Про Гену писать, значит... Ну, ну... Желанный был мальчик... и старушка заплакала, вытирая морщинистое лицо коричневой рукой. — Они детишки все хорошие, но он, как бы сказать, добрее всех был. К примеру, идет улицей, рыбы наловит, а мы, пенсионеры, на лавочке сидим. Он остановится, посмотрит-посмотрит, да всю рыбу нам и отдаст. Дескать, кушайте, бабушки, самим-то не наловить. Они Вороновы все такие-то. У Гены все — и отец, и дед, и прадед, — все нашей деревни крестьяне. И все труженики. Все с малолетства работают. Мало, что у них по дому все меж собой распределено, чтобы матери облегчение сделать, их с Геной-то детей было четверо, мало что по дому... В поле работают.

Вчера Сашу, младшего брата встретила, на косилке едет.

— Сашенька, — говорю, — никак ты в совхозе косишь?

— А что ж, говорит, глядеть, что ли, как трава ляжет. — Вот и косит, как мужик, а ведь ему двенадцать годов только. Да ведь умеет! Гена тот все к технике больше, тот все к тракторам да к косилкам.

Прошлой весной смотрю, а Гена-то Воронов на тракторе пашет. Отец, знать, наломался, спит, а он за него пашет. Пять гектар спалал. Отец подошел, мужик, говорит, у меня растёт, крестьянин...

...Как часто, спрашивая мальчишка или девочку, кем и где работают их родители, слышишь в ответ: «Не знаю». Взрослый человек половине жизни проводит на работе, а сын его или дочь ничего не знают об этой половине его жизни. У взрослых свои заботы и радости, у детей свои. И от этого всем трудно. И детям, и взрослым... А вот Гена Воронов дружил с отцом и братьями.

С мелочей, с маленьких добрых поступков начинается хороший человек, с повседневной заботы о близких начинается важное качество советского человека, гражданственность, ответственность за все, что делается на земле.

Думал ли об этом Гена? Думал!

В Горицах, в школьном музее, лежит его маленькая записная книжка-дневник. Там на первой странице прыгающим детским почерком написано:

ВОРОНОВ ГЕННАДИЙ
ИВАНОВИЧ
1960 ГОДА РОЖДЕНИЯ
РУССКИЙ
ПИОНЕР

Ему важно было это знать. Он гордился тем, что русский, и тем, что пионер.

— А в поле-то он пошел ключ гаечный взять, — это мать Гены Антонина Александровна рассказывает. — Виталька, самый младший наш, с утра капричал: «Гена, почини мне велосипед!» Вот он и пошел к трактору ключ взять... — Антонина Александровна сильная, молодая женщина, у нее загорелое лицо и руки. Ровный темный загар от работы в поле. Она, наверное, веселая, любит

песню. Легко, если бы не две морщины у рта да темные глаза, запавшие глубоко-глубоко... она рассказывает обстоятельно, подробно. Наверное, вот так споро, добросовестно делает она любую работу, даже если это тяжелая работа. — Пошел он, Гена... А потом кричат: «Мальчишку током убило!» Я еще не знала, что Гену, а так у меня сердце и оборвалось, словно чуяло... — она рассказывает, как примчался на газике председатель совхоза, как отключили электролинию, да не ту, как полетел газик в соседнюю деревню к распределительному щитку. Рассказывает подробно, не в первый раз, а трое Вороновых: отец Иван Сергеевич, Саша тринадцати лет и семилетний Виталька сидят на лавочке и молча слушают. У них одинаково выцветшие брови, одинаковая крестьянская прочность плеч и сутуляться все одинаково...

Не первый раз слушают, а все, видно, рассказ им этот по большому месту. Дрожат большие руки Ивана Сергеевича, крошится табак из папиросы. Год назад, когда подхватил он из хлебной гари сына своего, не заметил, как в руке оказалась обшлаг сыновьей обгоревшей рубашки. Только к вечеру опомнился, глянул и сполз по стене без памяти...

Он для них был и останется всегда живым. А какой он был? Да по фотографиям и представить трудно.

Фотографий-то сохранилось всего две. Фотографов тут нет, не город...

— Учился хорошо, но «звезд с неба не хватал», — сказала директор восьмилетней Печетовской школы, где учился Гена, Анна Тимофеевна Лубина. На мой вопрос, не было ли в характере мальчика чего-нибудь выдающегося, сразу ответила:

— Он был человек слова.

Когда — в годовщину его гибели — одноклассники стали вспоминать, с удивлением и радостью сошлись на том, что никто не может припомнить, чтобы Гена не выполнил какого-нибудь своего обещания.

Говорят, в деревне жить скучно. Наверное, зависит не от того, где живет человек, а как живет он. Гена жил весело и интересно. Не ждал, чтобы его стали развлекать, «организовывать», чтобы с ним «проводили мероприятия». Шел в клубе концерт художественной самодеятельности. Гена должен был прочитать рассказ из книжки «О смелых и уметьных». Прочитал. Зрители аплодировали, кто-то из зала крикнул:

— Еще давай!

— Еще, что ли, рассказывать?

— Валаяй! — и он рассказывал еще и еще, сначала на память, а потом своими словами, пока всю книжку не пересказал.

Он пел в хоре, был солистом, по самоучителю, кто выписал отец, выучился играть на гармошке, плясал, рисовал стенгазеты, умел водить комбайн, трактор, машину, во дворе повесил самодельную грушу, занимался боксом и очень много читал!

— Ох как читал! — подтвердил отец. — Вон у него доска задуманная приложена — на большой старой иве, над окном. Залезет туда и читает. Целый день сидит — читает. А что книг этих из школы перетащил — уйму! Просил кровать к окну поставить, чтобы ночью звезды было видно...

Стоит до сих пор кровать у окошка. Лежит на иве доска, потемневшая от дождей. Пустая. Без хозяина... Но мне все время кажется, что он где-то рядом.

Как это получается — живет мальчишка, ничем не примечательный особенно, и вдруг — герой?

Мне кажется, что героический поступок — не случайность. Способность к нему воспитывается, происходит это незаметно. Ведь в чем главный секрет: подвиг может совершить только хороший человек. В момент героического поступка все хорошее, что заложено воспитанием, семьей, пионерской организацией, собирается воедино.

Сколько я ни расспрашивал про Гену, все по-разному гово-

рили одно и то же: «Он был добрым!»

Только тот, кто любит, способен отдать жизнь за людей.

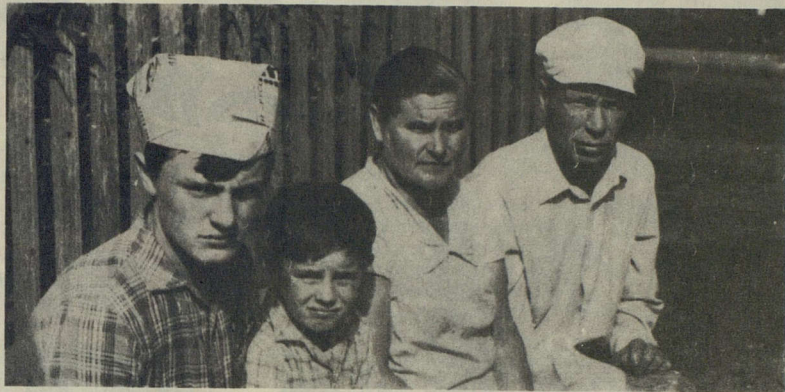
Весной 1973 года Гена Воронов вместе с одноклассниками был в Калинин в Музее истории комсомола имени Лизы Чайкиной. Его запомнил экскурсовод:

слушают взрослых, чувствуешь, как внимательно воспринимаешь каждое слово.

А как засуетились они, когда усаживали меня закусить перед дорогой. Как торжественно нес Виталька тарелку с медом. Была в мальчишке гордость от того, что в доме достаток, трудом добытый.

— Без троек, — ответил с достоинством. — Да Валя вот лучше, чем я, учится! Теперь надо Витальку тянуть! Он этой осенью в школу пойдет, в первый класс...

У Печетова меня обогнал трактор с прицепом, мальчишка, сидящий на горе зерна, уважительно снял кепку и покло-

Память — это и музей славы, и парта Гены Воронова, за которой может сидеть только самый лучший ученик... Память — это и школьные уголки в Горицах, в Печетово... Это и сами ребята, одноклассники. И прежде всего, конечно, семья Гены

— Я бы тоже так хотел!

— Что именно? — спросил экскурсовод.

— Также что-нибудь хорошее сделать.

— Но ведь они все погибли?

— Ну и что, — ответил Гена. — Их долго все вспоминать будут.

А через несколько месяцев в том же зале появится маленькая витринка с пионерской формой Гены, номером «Пионерской правды» и обгорелым обшлагом его рубашки...

Гену Воронова помнят все его сестры и младших братьев... Дети Вороновых очень воспитанны. В них чувствуется внутренняя доброта и культура.

...Они принимают участие в разговоре, но больше молчат,

Как внимательно, по-крестьянски бережливо, но щедро резал хлеб Саша.

— Кем же ты будешь? — спросил я Витальку.

— Летчиком!

— А кто будет землю пахать? — сказал отец.

— Я технику люблю, — по-взрослому ответил мальчишка.

— Дак ее в деревне завались...

— Все равно летчиком, — напустился малыш: — Как Гена!

— Вот оно что, — подумал я, — это желание быть похожим на брата.

А дорогой Саша рассказывал.

— Наши тут спокон веков жили... И прадед наш, наверное... Вон в том селе, в Новотроицком, Михаил Иванович Калинин учился...

— А ты как учишься?

нил. По годам он был сверстник Гены. Знакомый комбайнер, свесив ноги в канаву, хлебал из котелка, а перед ним, прижимая к животу кринку с молоком, стоял босоногий карапуз и с удовольствием смотрел, как ест отец. Ноги у него были запылены и искуваны комарами — издали шел. Три девчонки — лет по двенадцати — вместе с женщинами вязали лен, и маленькие снопики вертелись у них в руках, как пропеллеры.

Опять вспомнился мне кусок хлеба, который валялся в классе... Как же так? А?

За этот хлеб, за то, чтобы его было вдосталь, уходили воевать советские люди.

За этот хлеб, за эту землю погиб и Гена Воронов, сын и внук крестьянский... Ваш современник и сверстник...

Анатолий Тараскин

СТАРЫЙ АВТОБУС

Развозил я пассажиров:
Пионеров, октябрят;
А теперь назвали тиром,
Стал, ребята, староват.
Не давайте мне скучать —
Приходите пострелять.

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

Сколько раз бранила Надю:
— Не рисуй в моей тетради!
— Зря, сестренка, не бранись,
Прочитай и разберись:
Как же мне не рисовать.
Это — «общая» тетрадь.

Рисунок Г. Ясинского

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Ю. Степанов

СКАЗКА

Рисунок А. Орлова

Хомячку провели телефон, а на поляне, перед его домом, поставили телефонную будку. Первым позвонил Еж.

— Алло, Хомячок, это я, твой друг Еж. Ты еще жив?

— Жив, а что? — спросил Хомячок.

— Ты только не обижайся на мои слова, понимаешь, хочется поговорить по телефону, а что говорить, не знаю.

— Ничего, говори, что хочешь.

— Что это голос у тебя такой противный?

— Может быть, телефон испорчен? — спросил Хомячок.

— На телефон не вали. Что бы тебе еще сказать? Да, знаешь, почему я позвонил. Я думал, тебя Волк съел или сосной придавило, представляешь, потеха. Телефон провели, а звонить некому. Сначала ведь хотели только мне

телефон поставить. А я говорю: «Поставьте и Хомячку, он будет рад, если ему будут тоже звонить».

— Спасибо, — сказал Хомячок, — ты настоящий друг.

— А почему ты молчишь? Я все говорю, говорю, а ты молчишь.

— Я тоже не знаю, что надо говорить.

— Говори скорее, мне некогда.

— Хочу пригласить тебя на пирог с яблоками, — сказал Хомячок.

Еж бросил трубку и побежал от телефонной будки к домику Хомячка.

— Где пирог? — крикнул он с порога.

— Какой пирог? — удивился Хомячок. — У меня его никогда и не было.

— А кто по телефону приглашал?

— Так это же по телефону.

ПОБЕДИТЕЛЯМ — СЛАВА!

326 доблестных рыцарей — участников прошлого года турнира — получили 2-й, 3-й и 4-й спортивные разряды, а лучшие из лучших награждены дипломами и памятными подарками.

Трижды салют победителям турнира!

У шахматистов на высшей ступеньке пьедестала почета Лида Сундукова (Горький) и Эдик Розенталь (Вильнюс), а у шашкистов — Боря Сафронов (Прокопьевск) и Миша Каплан (Киев).

Призерами турнира также стали: Сережа Бартов, Валентин Воронков, Коля Войнов, Сережа Воробьев, Джамил Давлетов, Алеша Жарков, Миша Ишмурадов, Даниил Куптарев, Коля Кудряшов, Коля Коейкин, Георгий Лесовский, Сережа Никифоров, Миша Овчинников, Володя Рябцев, Юра Сантов, Сережа Тамонтьев, Сережа Шаров, Марина Голодяевская, Сережа Игнатов, Женя Камкин, Коля Рязанов, Гриша Черес, Валя Черес, Толя Воронкин, Саша Гришин, Игорь Капранов, Витя Колосов, Саша Кузнецов, Саша Мехедов, Саша Мокрецов, Володя Пудиков, Светлана Шадрина, Саша Денисов, Олег Шалыгин, Валерий Винокуров, Володя Македонский, Вася Тихонов.

Их решения задач призового тура («Костер» № 10) такие.

Шахматы. А. 1. Jh5! gh 2. Kg7+ Б. В 5 ходов: 1. Ce5! Ch1! 2. Cg3 и т. д. В. 1. Jd1! h5 2. Jc1! и т. д. Г. В 3 хода: 1. Jd2! K:d2 2. Kc5 Д. В 3 хода: 1. Jh4! Krc6 2. Fd1 Е. В 3 хода: 1. Ла8! Са8 2. Лb7!

Шашки. А. 1. f2 c3 2. e5! 3. g1X Б. Тут ничья. (1. c7 2. d4 3. c3 и т. д. =) В. 1. b4! c1 2. g5 3. h6X Г. 1. e5! f6 2. g7X. Д. Тут ничья (1. h8 b8! 2. b2 e7! =). Е. Тут ничья (1. cd4 ab6 2. e5 3. e3 4. f8 =).

ТУРНИР-75!

Шахматисты! Вам надо решить две задачи.

А. Белые: Kph7, Cg4, Ka5, пп. f4, h2, h3; черные: Kph4, C12. Мат в три хода. Автор — Дмитрий Бараш (Ленинград).

Б. Белые: Kpg3, Cb5, п. f2; черные: Kph5, пп. a3, g5, g6, h6. Мат в четыре хода. Автор — Марина Голодяевская (Киселевск).

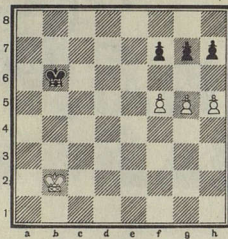
Шашки! Вам надо найти побед-

ные комбинации в концовках Сергея Мальцева (Новосибирск).

А. Белые: b6, c5, e3, e5, f4, f6, g3; черные: b2, c3, c7, d8, g7, h8.

Б. Белые: c3, d2, d4, e3, e5, f2, g3; черные: a3, a5, c7, f6, g5, g7, h4.

ПОДАЙ КОМАНДУ!

Посмотри на диаграмму: разве с мирными намерениями сошлись пешки белой и черной армий? Ну, нет! У них вот-вот завязается штыковой бой. Кто же наступает? Ясно, что белые. Но прорвут ли они оборону черных?

Найди же, рыцарь, путь к победе! Поддай белым точную команду!

НОВОСТИ ШАХМАТНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В 8.00 по центральному времени были приняты сигналы с планеты Пульга. Расшифровка показала: передана по-

зиция — белые Kph1, пп. a2, b3; черные: Kph8, п. b4. И к ней примечание: пульжанин, игравший белыми, пошел 1. a2—a4 и сказал: «Я иду в ферзи! Сдавайся!» «Нить ты какой... Сам сдавайся!» — ответил пульжанин, игравший черными, и побил 1... b4:a3.

— Что это означает? — спросили ученые у Ферзьбери. — Так бьют?

— Бьют! На Пульге применяется такое же правило взятия пешки «на проходе», как и у нас на Земле: если пешка, делая двойной ход, проходит через поле, атакованное вражеской пешкой, то та может ее побить, — разъяснил шахмат-адмирал.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь фигуры — белые: Kрс6, Лh1; черные: Kрс8. Как дать мат в один ход?

Теперь поставь так — белые: Kрд6, Лh1; черные: Kрс8. Как дать мат в два хода?

А теперь вот как — белые: Kрс6, Лc1; черные: Kрс8. Как дать мат в три хода?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Cd6! и при любом ответе черным будет мат. Б. 1. Лb6! и при любом ответе черным будет мат. **Шашки** — А. 1. d4! 2. b4 3. d2 4. h4 5. f6X. Б. 1. b4! 2. b2! 3. ef2 4. g5 5. fg3X.

За каждую верно решенную задачу Турнира-75! рыцари начисляют на свой счет 5 очков. Листок с учетом очков сохранять!

Медведь и Заяц. 1. Лh8+! Kр:h8 2. Cb2+ Kpg8 3. Лg7+ Kph8 4. Лd7+ Kpg8 5. Лg7+ Kph8 6. Лc7+ и т. д.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты (на открытках) до 1 июня.

§ 2. Во всем остальном руководствоваться моими приказами №1, № 2 и № 3.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

АВТОЛАВКА

Шамиль Мухамеджанов

Бегом бегите к автолавке!
Полным-полнёхонек фургон:
Халаты, бублики, булавки,
Транзисторный магнитофон.

Газеты, книги и журналы,
Конфеты и карандаши —
Стоят степенно аксакалы,
И суетятся малыши.

Пасём ягнят мы на джайлау,
Вблизи заснеженных вершин.
Скорее снова к нам пожалуй,
Чудесный автомагазин!

Аксакал — старик
Джайлау — горное пастбище

Перевел Мих. Еремич

ЮРТА

Костек Баймбаев

Зеленая долина,
А средь долины той
Как будто половина
Мяча в траве густой.

А поглядеть под утро,
Когда горит восток, —
В траве белеет юрта,
Как облака клочок.

Ковер в ней вместо пола —
Цветаст его узор,
Раскачивают полוג
Порывы ветра с гор.

Вечернею порою
Ты тыурлык откинй, —
И сразу над тобою
Луна и неба синь.

Полог — кусок войлона, висия
над дверью.
Тыурлык — войлок, прикрывающий
отверстие в крыше юрты.

СМОРОДИНА

Мурат Куанышбеков

Вновь лакомства в лесу созрели.
Взгляни, повсюду на кустах
Как будто кто-то ожерелье,
Порвав, рассыпал влопыхах.

Мы знаем, что не только вкусен,
Но зоркость придает глазам
Сок этих чёрно-синих бусин —
Так бабушка сказала нам.

Власть наедемся на полянке
И обязательно потом
Для бабушки по полной банке
Целебных ягод наберём.

Рисунки А. Шестакова и
Е. Кирика

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Музафар Алимбаев

Перед самым Новым годом Бакай простудился
и попал в больницу. Его старшая сестра Балнур,
зубной врач, работала в той же больнице. Она

ЗЕМЛЯНИКА

Костек Баянбаев

Горы в небо упираются
Ледниками.
Родники перекликаются
С родниками.

На траве кошма расстелена.
Отогни-ка!
Притаилась в сочной зелени
Земляника.

2

часто навешала брата. Ведь врач может войти
в любую палату в любое время. Врачам разре-
шено. А к другим ребятам родные приходили
только по субботам и воскресеньям.

Пришла Балнур и 31 декабря. Она поздравила
всех с Новым годом, а Бакаю подарила шоко-
ладные конфеты в красивых обертках.

У других ребят не было родственников-врачей.
Их родители придут к ним только завтра — пер-
вого января. И ребята, конечно, поглядывали на
конфеты, лежащие на тумбочке Бакая.

Когда сестра ушла, Бакай сказал:

— Идите скорей сюда! Разбирайте конфеты! —
а потом стал угощать лежачих больных, каждому
по шоколадке.

В палате было четырнадцать ребят. И четыр-
надцатому не хватило конфетки. Этим четыр-
надцатым был сам Бакай. Но никто этого не
заметил.

ПРО ЗУБЫ

Султан Калшев

Ни щеткою, ни порошком
Тебя, малыш, не удивить.
А знаешь ли, скани, о том,
Что зубы чистит даже мышь?

Ну, если говорить точнее,
Не чистит, точит их она:
Не порошок, а горсть камней,
Не щётка — щепка ей нужна.

Зерна в норе полным-полно,
Не справиться за целый год,
А мышь, гляди-ка, все равно
Сухой бараний рог грызёт.

Тебе, должно быть, невдомёк,
Зачем грызть кость или кору,
Похитив пирога кусок
И притащив к себе в нору.

В грызенье том простой резон:
Не сточишь зуб, не заостришь, —
И вырастет огромным он,
И рта закрыть не сможет мышь.

Да, зубы у мышей растут
Всю жизнь, растут их года в год,
Чтоб можно было в пять минут
Прогрызть себе подземный ход.

А вот зачем иной малыш
Немытый палец тянет в рот?
Зачем он ногти, словно мышь,
Сосредоточенно грызёт?

7

О ЧЕМ ПОЮТ ПТИЦЫ

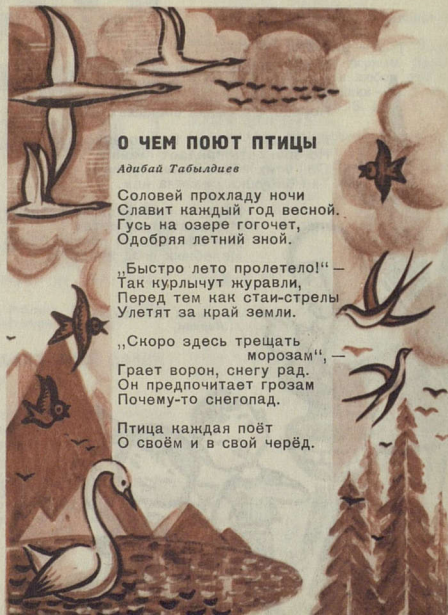
Адибай Табылдиев

Соловей прохладу ночи
Славит каждый год весной.
Гусь на озере гогочет,
Одоброя летний зной.

„Быстро лето пролетело!“ —
Так курлычут журавли,
Перед тем как стаи-стрелы
Улетят за край земли.

„Скоро здесь встречать
морозам!“ —
Грает ворон, снегу рад.
Он предпочитает грозам
Почему-то снегопад.

Птица каждая поёт
О своём и в свой черёд.

ХОККЕЙ! ХОККЕЙ! ХОККЕЙ!

Вихревые скорости, виртуозное владение клюшкой, силовые приемы, необычная аммуниция (и впрямь рыцарские доспехи) и, наконец, укрощение такой непослушной, твердой, как камень, резиновой шайбы — все это хоккей.

На этих снимках моменты из осенних встреч советской сборной с канадскими профессионалами. Фотографии выполнены большим специалистом в области спортивных игр, человеком, о котором болельщики сложили легенды, — Алексеем Петровичем Хомичем. Комментирует мастер спорта СССР Геннадий Орлов.

1

1. Голкипер советской сборной Владислав Третьяк распластался на льду, прикрыв собой шайбу. Прием, часто применяемый вратарями. Вы видите, хотя шайба и накрыта (а значит, сразу же звучит свисток арбитра и игра останавливается), все же канадец Майкл Уолтон № 4 продолжает борьбу, причем, силовую. К сожалению, некоторые канадцы перестают слышать, когда им это удобно. Сколько раз они и после остановки игры продолжали атаковать советских хоккеистов, причем атаковать руками и клюшкой.

Рядом с Уолтоном под № 16 Владимир Петров, под № 3 Евгений Лутченко, за Третьяком — Геннадий Цыганков, вдали у борта Борис Михайлов.

А где же на снимке ворота?

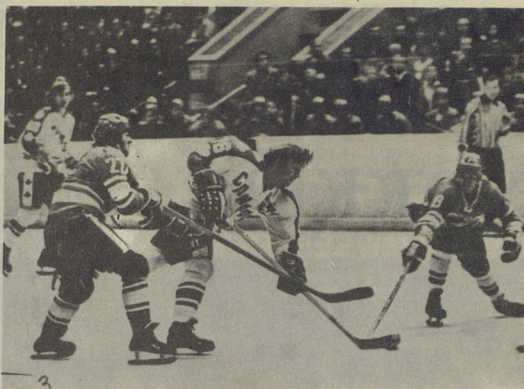
Такой далекий выход вратаря, какой совершил Третьяк, говорит о его хоккейной мудрости. В этой ситуации он решил: «Надо помочь защитникам», — и бесстрашно бросился на лед. Вообще страж ворот сборной страны и ЦСКА 22-летний Владислав Третьяк сейчас самый популярный вратарь в мире.

2

2. У ворот Третьяка. Посмотрите, как основательно оккупировали «пятак» (место перед воротами) канадцы Андрэ Лякруа и Бобби Халл.

Кстати, канадцы очень хорошо играют на «пятак». Еще в первую серию советско-канадских встреч нас поразил умением добывать отскоки от вратаря шайбу Фил Эспозито. Канадцы подтвердили, что намного результативнее могут быть атаки, если умело расположатся нападающие перед чужими воротами. Здесь на помощь Третьяку пришел Юрий Лебедев № 11.

3

3. Легендарная личность канадского хоккея Роберт Мервин Халл. По итогам восьми встреч сборной СССР со сборной Канады лучшим бомбардиром стал Бобби Халл, забросивший 7 шайб. Вы видите, как он в окружении двух наших хоккеистов — Вячеслава Анисина № 22 и Владимира Видулова № 8 — все же успевает произвести бросок. Халл бросает по воротам не с помощью «щелчка», он обладает редким по силе кистевым броском. По признанию Третьяка, Халл самый опасный для него форвард.

Бобби Халл выступал в сборной под № 16, а вообще его номер — девятый. Но в том-то и дело, что на эти исторические матчи он уступил свой номер более знаменитому канадцу (это признает сам Халл) Горди Хоу.

4

4. Титул этого профессионала «Самый, самый, самый». Почти все рекорды профессионального хоккея принадлежат Хоу. Он старше всех хоккеистов в мире — ему 46 лет. Он единственный отец, который играет в одной команде со своими сыновьями Марком и Марти (кстати, и третий сын 16-летний Мюррей также уже играет в хоккей и, говорят, неплохо).

Наконец, у него больше всех шрамов на голове (отличительная черта канадского профессионального хоккея) — около трехсот. Трижды ему ломали нос, несколько раз ребра, за всю спортивную карьеру выбили 10 зубов...

Хоу, конечно, мастер своего дела. На снимке он без клюшки, но быстро сообразил, и отдал пас по футбольному, ногой. Умение быстро оценить ситуацию и найти верное решение — признак хоккеиста высокого класса.

5. Встречи с профессионалами подтвердили, что советские хоккеисты не только не уступают в классе представителям страны кленового листа, но и часто превосходят их в мастерстве. Обратите внимание, как умело контролирует шайбу Владимир Петров № 16. Он прикрыл все подступы к ней, и канадцу Полу Шниру № 18 не на что рассчитывать. И, что самое главное, Петров не смотрит на шайбу, его взгляд устремлен вперед: что предпринять? Контролировать шайбу, не глядя на нее, — это высший класс хоккеиста. Чтобы овладеть этим навыком, необходимы годы упорнейших тренировок.

5

6. Канадские профессионалы не любят и не умеют проигрывать. При проигрышах они показывают целый арсенал запрещенных приемов. Игравший тренер Пэт Стэплтон № 12 удерживает клюшкой Александра Якушева № 15. Да, Якушев своими рейдами навел страху на канадских профессионалов. Видите, его опекают сразу двое: Стэплтон и Жан-Клод Трамбле № 3. И даже в таких «стесненных» условиях Александру удалось забросить в ворота канадцев 5 шайб.

6

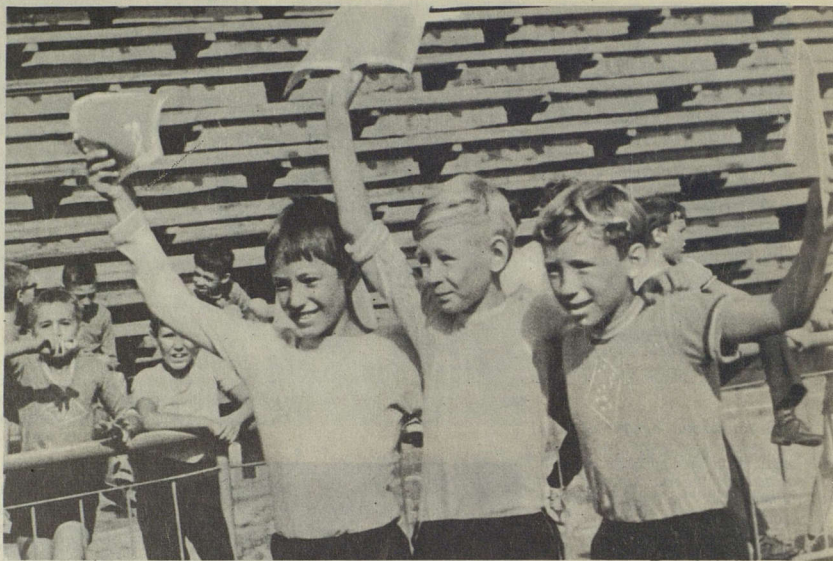
7. Серж Бернае № 21 в этом моменте правильно придержал клюшку Владимира Петрова № 16, а Марк Тардифф № 22 подобрал шайбу. На заднем плане Валерий Харламов № 17, но и он ничем помочь партнеру по команде не может, его отпустил Режан Уль № 5. Момент выигрышный для канадцев. И это еще раз говорит о том, что за океаном умеют хорошо играть в хоккей.

7

После серии игр канадские журналисты оценили (как принято делать в мире бизнеса) советских хоккеистов: Третьяк — 2 миллиона долларов, Харламов — 2 млн., Якушев — 2 млн., Мальцев — 2 млн., Петров — 1,5 млн., Михайлов — 1,5 млн. и т. д. То есть дороже, чем своих звезд. Вот что значит советский хоккей!

61

ГТО

О ЧЕМПИОНАХ...

Г. Горлов
Фото М. Тура

Прыгает Марина Волье

50 копеек — это четыре эскимо и стакан газированной воды. Наверное, так думал Игорь Пахомов, отправляясь на тренировку по гимнастике. Монету сжал в руке — в тренировочном костюме нет кармана. Забыв о том, что это негигиенично, Игорь сунул полтинник в рот.

«Надо будет на тренировке, — соображал Игорь, — попробовать крутануть сальто вперед. Один мальчишка из соседнего двора вчера прямо в ботинках у дома крутанул. Неужели не смогу?» Мотнул головой Игорь и... проглотил полтинник. Вначале остановился. Не каждый день глотаешь деньги, что делать? На стадионе пошел к врачу...

Был рентген, а затем подготовка к операции и долгие томительные дни в больничной палате.

А на дворе уже весна, почки набухают. Весь класс отправился за вербой. Заканчивается третья четверть. Впереди каникулы. А Игорь — в больнице. Как не позавидовать друзьям... Но все чаще они стали к Игорю наведываться. Чуть ли не каждый день после уроков кто-нибудь идет к Пахомову. Принесли учебники, тетради.

Вышел из больницы и почти совсем не отстал в учебе. Спасибо ребятам. Вновь пошел в секцию гимнастики. Интересно, что сразу же на-

Вот они — победители (справа налево):
Дима Слободнюк, Валерий Пшеничный, Игорь Пахомов

чал выполнять упражнения лучше, четче. Тренер даже удивился. А Игорь понимал почему: соскучился.

Эту историю мне поведали одноклассники Игоря, ребята из 4 «д» класса 51 харьковской школы. С ними-то я и пришел на стадион. В этот день четвертые классы 51 школы сдавали нормативы нового всесоюзного комплекса ГТО... И вот финальный забег на 60 метров. Кто же первый? — Игорь Пахомов! Летние ка-

никулы он провел с пользой. И несмотря на то что долго болел, все же перешел с друзьями из третьего в четвертый класс. А теперь еще и чемпион.

А среди девочек чемпионкой стала Марина Вольпе из 4 «б», без сомнения, способная не только к игре на фортепьяно (она в четвертом классе музыкальной школы), но и к занятиям спортом. Посудите сами: она выиграла соревнование в беге на 60 метров и прыжках в длину, а ведь никакие спортивные секции не посещает. Правда, мечтает (призналась Марина мне) заняться художественной гимнастикой.

...И О ТЕХ, КТО НЕ ПОЛУЧИЛ В ЭТОТ ДЕНЬ ГРАМОТ

...Но победителей всегда единицы, а вот остальные, те, кто не получил грамоты в этот день, расстроились ли они? Для того, чтобы узнать это, я взял здесь же на трибуне маленькое интервью.

Здик СЛАВГОРОДСКИЙ. 4 „а“. Одна четверка в табеле. Со 2-го класса делает зарядку. „Жду дня, когда исполнится 14 лет, обязательно пойду в секцию самбо“.

Аня ШАПОВАЛ. 4 „а“. Четверка за год по физкультуре. Все свободное время посвящает фокстерьеру Чарлику. „Уже делаю с папой зарядку и на следующих соревнованиях обязательно буду среди чемпионов“.

Ира ЗАВАЛИПИЧ. 4 „д“. Учится на „5“ и „4“. Ходила в секцию гимнастики, не по душе. Бросила. „Завтра же запишусь в секцию плавания“.

С хорошими ребятами из 51-й школы я познакомился в Харькове. Узнал, что в школе этой вот уже какой год ни одного второгодника. Что пионерская дружина из года в год правофланговая и что хоршая капелла мальчиков с 1 по 9 класс хотя и звучит негромко, но слава ее гремит по всей Украине.

Сергей ПОПОВ. 4 „а“. Учится без троек. Играет на скрипке (в четвертом классе музыкальной школы). Много думает о хоккее и об Александре Мальцеве. „Выполнил только на серебряный значок, буду тренироваться, чтобы заработать золотой“.

У представителей 4 „в“ на этих соревнованиях на груди красовались эмблемы „Ну, погоди!“, и сделали их Юра Скорлунченко и Вова Курцев. А Света Севрук из 4 „а“ написала лозунг к этим стартам (вы его видите на цветном снимке).

* * *

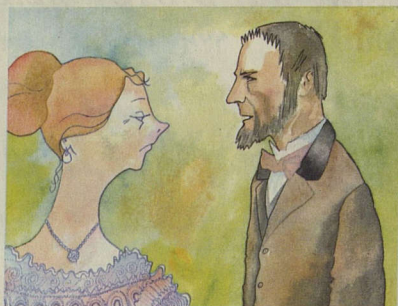
В 10-м классе 51-й школы учится мастер спорта международного класса Людмила Кутакова, которая на последнем чемпионате Европы в Вене по водным видам спорта выступала за нашу сборную команду и в плавании вольным стилем заняла 5 место. И что немаловажно, Людмила учится на „5“ и „4“.

ИГРА СЛОВ

За покушение на жестокого генерал-губернатора Трепова русская революционерка Вера Засулич была предана суду. Защитником на процессе выступил выдающийся юрист А. Ф. Кони.

После его смелой защитительной речи революционерке был вынесен оправдательный приговор.

Вскоре после процесса на светском вечере одна из великих княгинь, увидев Кони, воскликнула:

— Ах, среди нас «красный прокурор».

— Да, ваше высочество, я краснеть еще не разучился, — отпарировал защитник.

КТО ЧТО МЕНЯЕТ

Когда известного американского общественного деятеля Джефферсона упрекали в том, что он перешел из республиканской партии в демократическую (которая в тот момент была более прогрессивной), Джефферсон отвечал:

— Кто что меняет, господа! Одни меняют свои убеждения, чтобы сохранить партию, я предположил сменить партию, чтобы сохранить свои убеждения.

СОДЕРЖАНИЕ

Ленин с нами	1
детское творчество	
Весна семнадцатого года	
очерк Н. Ходзы	4
рисунки В. Бескаравайного	
Две горсти земли	
очерк В. Того	8
рисунков А. Харшака	
Шла война народная	
Из фронтовых блокнотов поэтов и художников.	
Из сообщений радио и газет	12
Барабан	
журнал юнкоров	14
Мальчик в папаше	
документальный рассказ К. Курбатова	18
Трасса	
письма с БАМа	
Г. Ковенчука	
оформление автора	20
Ленин верил в курскую руду	
очерк Н. Владимирской	24
оформление Н. Андреева	
Сундучок, в котором что-то стучит	
сказка В. Аксенова	26
рисунки М. Белошлинского	40
Морская газета	42
Поход „Курс—Победа“	
Мужчины большие и маленькие главы из повести Ж. Браун и О. Грудина	44
рисунки А. Слепкова	
За хлеб	
очерк Б. Алмазова	50
рисунков А. Аземши	
Стихи	
А. Тараскина	54
рисунков Г. Ясинского	
Телефонный разговор	
сказка Ю. Степанова	55
рисунков А. Орлова	
Арчбек	
шахматы и шашки	56
Уголёк	
журнал для малышей	57
Хоккей! Хоккей! Хоккей! фотоочерк А. Холмича и Г. Орлова	59
ГТО	
репортаж Г. Гордова	62
фото М. Тура	

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (ответств. секретарь), А. И. Памтелеев, Л. Н. Пожидеева, Р. П. Погонин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркин (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Белошлинский
Технический редактор В. Н. Мецатунова
Корректор В. А. Мавская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15,
Таврическая, 37. Телефон 14-57-75. Рукописи и
фотографии не возвращаются.

М-22061. Сдано в набор 6-1-1975 г. Подписано к
печати 28-1-1975 г. Формат 60×90. Печ. л. 8+
обл. уч.-изд. л. 8.8. Тираж 560 000 экз.
Заказ 3839. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном комите-
те Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, 197101,
Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

Есть у мальчишек любимые книжки.
Но книжкам не любы такие мальчишки...

